

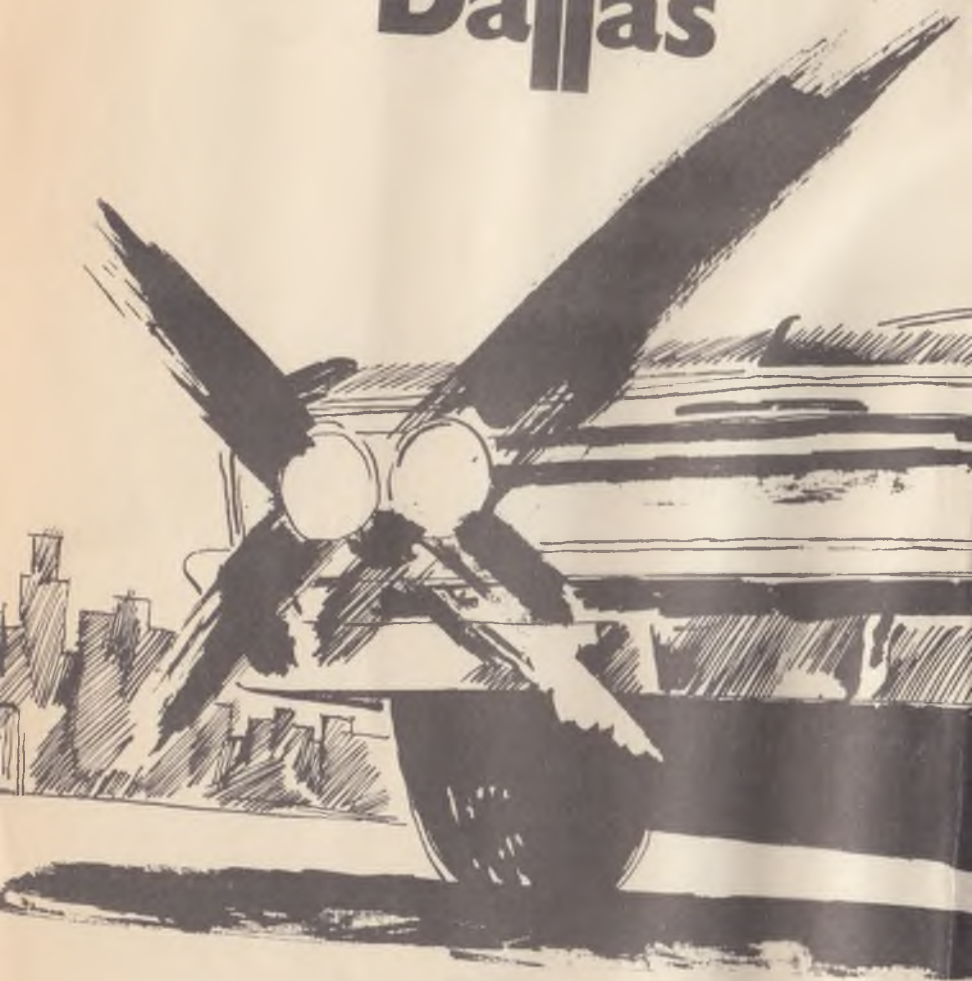
ВЕРТ
УИЛЬЯМС

**Аға
Дарпас**

Сборник
задания

WIRT
WILLIAMS

Ada Dallas

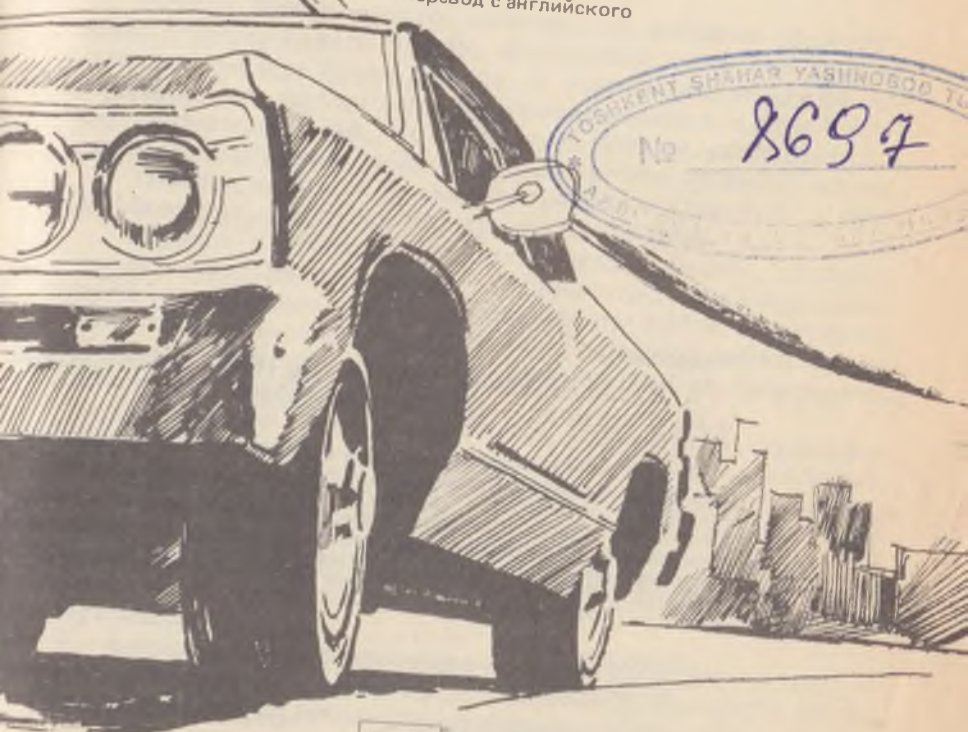
1959

ВЕРТ
УИЛЬЯМС

Ада Дарлас

РОМАН

Перевод с английского

ЯП
КОММУНАЛЬНОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
Ташкент
ЛЕКСИКА

Перевод *Н. Емельяниковой* и *Ан. Горского*
Редактор *А. Корх*

Уильямс В.

У 11 Ада Даллас: Роман/Пер. с англ. *Н. Емельяниковой* и *Ан. Горского*. — М.: Радуга, 1989. — 336 с.

В центре остросюжетного романа современного американского писателя судьба женщины, ставшей с помощью большого бизнеса губернатором штата. В книге разоблачаются политические интриги законодательных органов штата, махинации и коррупция, царящие во время предвыборной кампании. Рассказывается, как ради достижения своей цели губернатор штата и начальник полиции не брезгуют никакими средствами.

у 4703000000—501 без объявления
030 (01)—89

© Перевод на русский язык издательство "Радуга", 1985, 1989

ISBN 5-05-002592-3

СТИВ ДЖЕКСОН

Башня. Когда едешь по новоорлеанскому шоссе, она видна за добрые десять миль: стройная, прямая, сужается она к острию шпиля, откуда рвется в небо флаг, а небо над ней — то огненно-синее в ярких лучах солнца, то серое, как надгробье, когда мрачные тучи низко нависают над столь же мрачной землей.

Внутри башни — этого, конечно, не увидишь за десять миль — разместились плотно пригнанные один над другим двадцать четыре яруса офисов. В офисах подписывают документы, что даруют или отнимают миллионы, и едва слышно произносят слова, что стоят куда больше миллионов, а в одном из кабинетов такое слово дарует или отнимает жизнь.

Трижды в самой башне совершалось убийство, и мраморные стены ее до сих пор хранят следы пуль.

Первым из трех, нашедших смерть в башне, оказался доктор Карл Вайс. Вторым — губернатор Хьюи Пирс Лонг, пуля настигла его секундой раньше, чем Вайса, но умер он не сразу, а много часов спустя, на больничной койке. Третьей была женщина, властная, бежалостная и прекрасная, но она допустила одну ошибку.

Глядя, как приближается под неумолчное шуршанье резиновых шин, похожее на мягкий перестук погребальных барабанов, и все глубже уходит в серое небо шпиль башни, я вспоминал те времена, когда, мчась по шоссе на свидание с Адой, вот так же смотрел, как вонзается ввысь башня. На свидание с губернатором Адой Мэлоун Даллас, резиденция которой размещалась в той самой башне, Капитолии штата Луизиана.

А воспоминания эти одно за другим возвращали меня к той поре, когда губернатор Ада Даллас была просто Адой, которую я любил и которая по-своему любила меня.

Вот о чем я думал по пути из Нового Орлеана, глядя, как уходит в мрачное дождливое небо башня, становясь

все выше и выше, все шире и шире. Я ехал на похороны Ады.

В день, когда я встретил ее впервые, я тоже ехал в машине по этому шоссе, только в обратном направлении. Минуло восемь лет, а мне кажется, что всего лишь восемь недель. Раз события позади, времени не ощущаешь. А если есть веская причина их вспоминать, то прошлое восьмилетней давности вспыхивает в памяти не менее отчетливо, чем эпизод восьмичасовой давности.

В тот субботний день восемь лет назад, не имея никакого серьезного намерения и даже не сознавая как следует, чего мне хочется, я вышел из дома, пересек ослепительно белый, с тенью по краям бетонный дворик, открыл калитку горячей от солнца железной решетчатой ограды и, очутившись на улице, сел в только что купленный мною подержанный "бьюик", ждавший меня у обочины тротуара, и тронулся в путь. Машина, казалось, сама выбирала дорогу, стремясь поскорее вырваться из хаоса и тесноты Французского квартала, и устремилась на восток по шоссе, идущему параллельно океанскому побережью. Сперва океана не было видно — только зеленые поля, пересеченные извилистой лентой серого шоссе; но вскоре я уже ехал вдоль коричневой полосы пляжа и любовался Мексиканским заливом — бесконечной гладью, полыхающей под яркосиним полотном неба, в котором тлел раскаленный шар полуденного солнца. Я не сводил глаз с этого блеска и мчался вперед. Я не знал, куда еду, я ехал и ни о чем не думал. Наверное, меня гипнотизировало постоянное мерцание бесконечной глади или горящая синева над головой. По крайней мере теперь мне так представляется. Я пересек большой мост у залива Святого Людовика, миновал Христианский пролив, Галфпорт и, наконец, Билокси, но, даже поняв, что уехал довольно далеко, все же продолжал устремляться вперед, поддаваясь гипнозу солнца, неба и ослепительной воды.

Не раз с тех пор думал я о том, как изменились бы судьбы и жизнь многих людей, если бы в Билокси, штат Миссисипи, я повернул и поехал назад, к тому, что считалось моим домом. Но я не повернул. Я продолжал мчаться вперед.

Я проехал почти двести миль и очутился в городе Мобил, штат Алабама, предопределив, сам того не ведая, почти на восемь лет историю штата и насильственно перекроив судьбу бесчисленного числа людей. Но ведь я и не подозревал, что только из-за того, что в Билокси я не повернул назад, события вдруг примут совсем иной оборот. Миновав первые дома Мобила, я увидел стоявший фасадом к коричневой полосе пляжа импозантный белый мотель, увенчанный незажженной неоновой вывеской: "Остановись здесь!"

Я подчинился приказу, решив, что заехал слишком далеко, чтобы в тот же день вернуться обратно. Переночуя здесь, подумал я, утром полежу на солнышке, покупаюсь, а днем отправлюсь домой. Я въехал на стоянку, вошел в контору и зарегистрировался у женщины-администратора с лицом, на котором жизнь оставила свой отпечаток. Получив у нее ключ от домика и расположившись, я долго нежился в ванне с теплой водой.

Когда я наконец вылез из ванны, небо за окном уже совсем потемнело. Обвязав вокруг бедер большое банное полотенце, я звонком вызвал коридорного, дал ему деньги и попросил купить бритву, недорогие купальные плавки и бутылку виски в супермаркете неподалеку на шоссе.

В дверь постучали. Я открыл, но это был не коридорный, а женщина-администратор. Я хотел было закрыть дверь, но она, сказав: "Ничего, ничего", вошла. Она принесла то, что я заказывал, и положила все эти вещи вместе со сдачей на стол.

Ее взгляд, скорее просто любопытствующий, нежели оценивающий, остановился на мне.

— Больше ничего не нужно, — сказал я.

Она коротко и чуть зло усмехнулась:

— Уверены?

Неужто у меня вид человека, так сильно в чем-то нуждающегося? Ей было самое меньшее лет пятьдесят, волосы выкрашены в чудовищный фиолетово-коричневый цвет, а порочное лицо явно носило печать возраста.

— Уверен, — ответил я.

Но она не уходила.

— А мне показалось, — сказала она, и ее неподвижные зрачки вонзились в меня, — мне показалось, что вы не прочь провести время с красивой молодой дамой. Среди моих приятельниц есть очень красивые молодые дамы.

— Вы ошибаетесь.

— Это не совсем обычные девицы, это очаровательные молодые дамы.

— Нет, сегодня не стоит.

— Одна из моих приятельниц очень интеллигентная дама. Мне кажется, вам будет приятно с ней поболтать.

Она сказала, что вызов обходится в сто долларов. За целую ночь, конечно, а не за несколько минут. Разумеется, согласился я, но сегодня не стоит.

Уже держась за ручку двери, она повернулась и сказала: "Семьдесят пять", и я был поражен, услышав после секунды молчания собственный голос: "Ладно".

Она улыбнулась, но не торжествуя, а с таким видом, будто с самого начала знала, что я соглашусь, будто этим

”ладно” неминуемо должен был завершиться наш разговор, и вышла.

Когда она ушла, я задумался над тем, почему ответил согласиём. Ведь мне же не хотелось. Может, от скуки, может, от одиночества, может, из-за того, что она скинула двадцать пять долларов, а скорее, пожалуй, из-за пассивности. Это состояние уже давно не покидало меня. В последующие годы я нередко удивлялся тому, что за удача, или как это по-другому назвать, подтолкнула меня согласиться. Но, разумеется, доля удачи здесь была мала. Это я сам, Стив Джексон, сказал ”ладно”, во-первых, в силу любопытства, во-вторых, чтобы провести время, а главное, как я уже сказал, потому, что мне было на все наплевать.

Я побрился, оделся и вышел во двор полюбоваться заливом, теперь совсем черным. Желтая лунная дорожка, словно разрезая его, уходила за горизонт. Ночной ветерок был слабым, но от воды тянуло прохладой. Я продрог и пошел обратно в свой домик читать лежавшую на столе местную газету и думать, какой же будет девица, что вот-вот явится ко мне.

Спустя полчаса в дверь снова постучали. Я отворил, из коридора хлынул свет, и я очутился лицом к лицу с высокой красивой девушкой в похожем на хитон белом платье.

Она спокойно стояла в дверях и улыбалась. Я не сводил с нее глаз, не потому что был изумлен — я ведь так и не придумал, какой она будет, — просто на мгновение я замер. Бывают минуты, когда одна половина разума полностью отключается, в то время как в другой его половине колесики продолжают вращаться, безошибочно фиксируя поступающие извне импульсы и превращая их в информацию. Поэтому, хоть я и стоял, онемев и, наверное, разинув в удивлении рот, мой мозг тем не менее неуклонно фиксировал: у нее правильные, но чересчур волевые для настоящей красавицы черты лица (позже я понял, что ошибся: она была на самом деле красивой), обещающая сладости и утехы фигура античной богини, а во взгляде ум и проникновение. Она умела видеть. Когда наши взоры скрестились, я понял, что она умеет видеть.

Перед этим ее умением видеть я был обнажен, беззащитен и ошеломлен. Она улыбнулась, пытаясь помочь мне прийти в себя, и я почувствовал, что с меня сорвали все покровы.

Я проглотил комок в горле от волнения и беспечным, как мне казалось, тоном сказал: ”Привет! Входите!” — неприятное чувство, которое испытываешь, когда тебя рассматривают, прошло. Теперь она казалась мне просто рослой и очень хорошенькой девушкой.

Все так же улыбаясь, она вошла в комнату. На ее лице, непроницаемо спокойном, с классическими чертами, почти не было косметики, только губы были накрашены, а духи скорее служили средством освежающим, чем возбуждающим. Она с успехом могла сойти и за учительницу из воскресной школы, и за проститутку, кем она, собственно, и была. Грациозной походкой, медленно ступая длинными ногами, она прошла по комнате, и смотреть, как она двигается, было наслаждением.

Высокая, еще раз отметил я, но не худая. Правда, и не полная: как раз в меру для ее роста.

— Добрый вечер! — В ее голосе слышалась не просто вежливость, а тщательно размеренная элегантность. — Меня зовут Мэри Эллис.

Тоже нечто необычное. Ей полагалось назвать только имя. Ее, конечно, на самом деле звали вовсе не Мэри Эллис. Но то, что она назвала и фамилию, было забавно.

— Стив Джексон.

И я тут же разозлился на самого себя, зачем назвал свое настоящее имя — я никогда этого не делал, — меня взволновали ее светские манеры в сочетании с откровенной чувственностью, — и покраснел от смущения.

— Рада с вами познакомиться.

Она стояла прямо передо мной — мы были почти одного роста — и совсем близко: я ощущал ее близость и исходящий от нее аромат, но все-таки не настолько близко, чтобы это казалось неприличным.

Она продолжала улыбаться своей чересчур вежливой улыбкой, и я понял, что ей известно про охватившее меня чувство неловкости.

— Можно сесть?

Она явно старалась помочь мне прийти в себя.

— Пожалуйста. — Я тоже не хотел оказаться в стане побежденных. — Выпьете?

— С удовольствием.

Смешивая виски с водой, я чувствовал на себе ее взгляд, чувствовал, как пылает мое лицо, и был уверен, что это ее забавляет. Давно уже я не испытывал такого смущения.

Я протянул ей стакан.

— Спасибо. — Она позволила мне разглядеть ее покрытое легким загаром, вылепленное по греческому образцу лицо.

Мгновенье мы — она сидела, я стоял — молчали.

— Вам никогда раньше не приходилось приглашать к себе девушку?

— Нет, — не сразу ответил я.

— Как отрадно! — отозвалась она с дружеской усмешкой.

— Очень рад, что угодил.

— В самом деле, — подтвердила она и, сделав глоток, с улыбкой продолжала: — Неприятное, но неизбежное обстоятельство: я ставлю себе за правило сначала решать деловые вопросы.

— Ну разумеется. — Я достал из бумажника несколько купюр, которые вручил ей, мне казалось, с достаточным тактом.

— Спасибо.

Она, не жеманясь, взяла деньги, пересчитала, затем, продолжая улыбаться уголком рта, открыла свою сумочку и решительно опустила их туда.

Поставив стакан, она прошлась по комнате. Она двигалась с усвоенной сдержанностью, словно ей вот-вот предстояло сделать какой-то опасный шаг и она исподволь готовилась к нему. В ней было нечто обещающее взрыв, — такое впечатление она производила и при первой встрече, и, как мне суждено было убедиться, всегда и везде. Что сулило наслаждение, в котором немалое место отводилось плоти.

И все годы, пока мне суждено было знать ее, это ощущение затаенной страсти, пребывающей в ожидании взрыва, так и не исчезло. Не изменилось ни ее тело, ни те наслаждения, которые оно дарило. За семь лет она, по-моему, не прибавила и не убавила в весе и пяти фунтов.

Изменилось только ее чистое золотисто-смуглое лицо Минервы: оно отяжелело; углубилась бороздка, идущая от носа ко рту (результат, по-видимому, бесконечных испытаний твердости духа и одержанных ею побед); да взгляд ставших более яркими глаз сверлил с такой настойчивостью, что казалось, если будешь не мигая, упорно и долго смотреть на собеседника, то сумеешь проникнуть в его мысли и добраться до его истинных намерений.

Но в тот вечер в домике мотеля я никак не мог предвидеть всех перемен и сложностей, что принесли с собой последующие годы. Я и не думал, что мне суждено снова встретиться с ней. Я просто смотрел, как она двигается по комнате.

Надеюсь, я дал понять, что она была удивительно женственной и привлекательной, умела — что мне суждено было узнать позднее — зажечь любого мужчину и сама обладала высоким потенциалом чувственности. Но не настолько высоким, чтобы терять голову. Она никогда не отдавалась чувству целиком. Не она принадлежала любви, а любовь — ей. И всегда умела использовать любовь в своих целях.

Она повернулась с нарочитой замедленностью и сказала:

— Ночь обещает быть восхитительной. Может, погуляем по берегу?

— С удовольствием.

Вслед за ней я вышел во двор, и мы свернули на выложенную плиткой дорожку, что вела на пляж.

По высокому небу, которое от света утонувших в бездонной глубине звезд казалось скорее синим, чем черным, бежали облака.

— До чего хорошо! — обернувшись, бросила она, словно читая мои мысли.

— Хорошо! — согласился я. — Просто чудесно!

Она остановилась и посмотрела на меня. В свете луны я мог различить ее волевое лицо.

— Знаете, а вы мне нравитесь. Правда, очень нравитесь, иначе зачем бы я это говорила. Я говорю это только потому, что мне хочется сказать. Вы мне очень нравитесь.

Я хотел было ответить, что она мне тоже нравится, но ограничился тем, что сказал:

— Что ж, очень рад.

— Спасибо.

Мы шли по песку, в котором по щиколотку утопали ноги, а потом остановились, подставив ветру лицо, поглядеть на море и на белый серп нарождавшейся луны. Прохладный ветер шевелил ее волосы, тускло блестевшие в лунном свете.

— Вам не холодно?

— Нет. Здесь так хорошо!

Но я все равно снял пиджак и накинул ей на плечи. Моя рука коснулась ее плеча; оно было упругим и прохладным.

— О, спасибо.

Я еще раз, теперь уже не случайно, коснулся ее плеча, и она прильнула ко мне.

На следующее утро первое, что я увидел, проснувшись, была Ада, в то время известная мне под именем Мэри Эллис. Воплощение чистоты, в своем белом платье, она сидела в кресле и читала утреннюю газету, а на ее золотисто-смуглом лице не было и следа сна или усталости.

— Доброе утро! — поздоровалась она.

— Доброе утро!

Все выглядело вполне пристойно.

Мы позавтракали в кафе и отправились купаться на узкую полосу песка позади мотеля. "Я всегда вожу с собой купальный костюм", — сказала она. Позже, когда мы лежали на горячем песке под обжигающими лучами солнца, она вдруг спросила:

— Тебя ничего особенно не трогает, правда?

Я удивился и поэтому ответил почти искренне:

— Возможно.

— Жаль. Плохо, когда человека ничто не трогает.

Угадала, подумал я. Меня именно Ничто не трогало. Я очень положительно и конкретно относился к моему Ничто. Я почти любил это Ничто с заглавным "Н", я был погружен в него и не имел никакого намерения из него выбраться. Оно существовало и принадлежало мне одному. Затянуть меня снова в ловушку никому не удастся.

— Ну, не так уж плохо, — отозвался я на сей раз искренне.

Она взглянула мне в лицо.

— А я считаю, что плохо. По-моему, лучше уж увлечься чем-нибудь дурным, чем вообще ничем.

— Я придерживаюсь другого мнения.

— Тебе надо встряхнуться.

Ее гладкое, молодое, но не юное лицо не менялось, не хмурилось, однако на нем явно проглядывала озабоченность.

И я почувствовал благодарность. Мне хотелось сказать ей правду, объяснить, что я не пребываю в состоянии сна, а вообще не живу и что то же самое в недалеком будущем случится и с ней. Но я ничего этого не сказал. Она и сама скоро узнает.

— Может, и так, может, ты и права, — на этот раз солгал я.

— Хорошо бы нам снова увидеться, — предложила она. — Хочешь?

— Конечно. Мой телефон в справочнике. В новоорлеанском.

На ее лице отразилось крайнее изумление.

— Разве ты из Нового Орлеана? У тебя на машине номер... — Она запнулась, и на ее лице опять появилась улыбка. — Это твое настоящее имя? А кем ты работаешь? Впрочем, если не хочешь, не говори.

— Я работаю на телестудии.

Позже я всегда буду помнить, что она выразила желание снова встретиться со мной до того, как узнала, что я представляю собой благоприятный случай. Если меня и использовали, то по крайней мере сначала я виделся ей в иной роли.

Но, когда она услышала слово "телестудия", на ее лице, по-прежнему спокойном, появилась какая-то настороженность. Умей она шевелить ушами, они бы явно настроились вперед. По-видимому, боги, которые ей покровительствовали, а то и собственный ангел-хранитель в ту минуту указали ей на меня, и она приняла это к сведению.

Но она лишь кивнула.

— А чем ты занимаешься? В Новом Орлеане, разумеется, — поспешил поправиться я.

Она посмотрела мне в лицо и улыбнулась:

— Хожу в колледж Софи Ньюкомб.

— Я спрашиваю серьезно.

Колледж Софи Ньюкомб — самое аристократическое учебное заведение на крайнем юге.

— Учусь в колледже Софи Ньюкомб.

— Боже мой!

Она звонко рассмеялась.

— Мне бы не следовало говорить тебе об этом, но это чистая правда. В следующий раз, когда мы увидимся, я расскажу тебе все подробно.

А потом это было в Новом Орлеане. Я и не думал, что мы встретимся. Нет, я, конечно, не забыл ее, но вовсе не думал увидеться с ней опять. Я рассматривал наше знакомство как одно из тех приключений, что порой выпадают по мановению волшебной палочки, но никакого продолжения не имеют. Спустя две недели, услышав ее голос по телефону, я узнал ее только тогда, когда она сказала:

— Я же обещала позвонить.

И я почувствовал, как меня охватило волнение.

— Хочешь повидаться?

Ее прямота могла бы показаться назойливой, если бы мне самому не хотелось с ней встретиться.

— Разумеется, — ответил я. — Приходи, выпьем по стаканчику.

Секунду она оставалась в нерешительности.

— Хорошо.

В тот вечер она действительно ни о чем ином, как посидеть вместе за стаканчиком виски, казалось, и не думала. Но мне всегда претила роль евнуха-исповедника, и я быстро уговорил ее передумать. По крайней мере мне так казалось. Ее отношения со мной, само собой разумеется, перестали быть профессиональными.

На той же неделе она пришла ко мне второй раз, а потом явилась на следующей. Не мешаю ли я ее работе, подумал я, но спросить не решился. Она сама объяснила. Оказалось, что она ездила в Мобил только на субботу и воскресенье или по особому вызову. Чем меньше объем работы, тем выше цена, сказала она, добавив, что именно таким путем ей удается платить за обучение в колледже.

— Когда с этой авантюрой будет покончено, а произойдет это в самом ближайшем времени, я не хочу, чтобы кто-

нибудь, узнав про мои занятия, нанес мне удар под дых. Я хочу распрощаться с этим навсегда.

— Тебе нравится "Ньюкомб"?

— Ты хочешь знать, нравлюсь ли я "Ньюкомбу"? Нет, не нравлюсь. За эти четыре года я прошла через настоящий ад, но сумела кое-чего добиться и в июне уже получаю диплом, что редко случается в столь аристократическом учебном заведении.

Если бы ты только знал, как я их ненавижу! Ненавижу за то, что они меня презирают. А презирают меня не из-за того, что я проститутка, — да, да, будем говорить откровенно, я проститутка, — а из-за того, что я неблагородного происхождения. Вот что говорят, когда ты родом из Айриш-Чэннела. Про Чэннел все сразу становится понятным, как только слышишь, с каким акцентом там говорят. Не лучше, чем в Бруклине. Я-то давным-давно научилась говорить правильно и вовремя скорректировала и акцент, и туалеты, и даже домашний адрес. Но тем не менее один только факт, что я родилась и выросла в Айриш-Чэннеле, заставляет их плевать на меня. А факт этот нельзя ни уничтожить, ни скрыть.

Мои субботние и воскресные занятия скрыть нетрудно, хоть я и прodelьвала это неоднократно. Я ни разу — как бы это получше сказать? — не вступала в деловой контакт вне Мобила, где никто не знает моего настоящего имени, и всегда надеваю черный парик. Никогда не назначаю свидания — так мы обычно выражаемся — с теми, у кого на машине новоорлеанский номер. С тобой мы встретились только потому, что у тебя тeхасский номер. Как видишь, я совершила ошибку, — засмеялась она.

Я объяснил ей, что купил машину в Техасе.

— Нет, — продолжала она, — все это не из-за Мобила, все из-за Чэннела. Меня ни разу не пригласили в клуб, даже в тот, где собираются студентки, приехавшие из провинции, которых не принимает городское общество. Я понимала, что так должно быть, но была оскорблена. Я плакала. А разговаривают они так, будто меня вообще не существует. Не существует, и все. Вот почему мне хотелось бы распять на кресте всех этих аристократических сук и их присных вместе с колледжем Софи Ньюкомб. Потому что меня для них не существует. Можешь не спрашивать, как я это делаю, я знаю, мне это никогда не удастся, но помечтать-то я имею право. Лучше налей мне еще.

Все это она рассказала мне, когда пришла на другой вечер. Призналась также, что ее настоящее имя Ада Мэлоун, а потом в отрывках поведала еще кое-что.

— Ты второй человек в моей жизни, который был добр со мной, не требуя ничего взамен, — сказала она, и я по-

чувствовал неловкость, потому что считал себя единственным. — Первым был старый индеец-бакалейщик по фамилии Робишо. Если бы не он, бог знает что случилось бы со мной.

Мой отец, пьяница и бездельник, вынуждал мать, когда она была еще молодой, кормить и поить его, как он это называл, торгуя собственным телом. А когда она постарела для подобных занятий, нашел ей работу в мелкой лавчонке. Мама не позволила ему заставить работать и меня, поэтому я доучилась при ней до восьмого класса. Потом она умерла. Оказалось, что у нее было большое сердце, но она ни разу не обращалась к врачу, а просто в один прекрасный день взяла и умерла. Прямо за прилавком. Два часа ушло на то, чтобы протрезвить отца, прежде чем сообщить ему эту вест. Сутки он горевал, по дороге с кладбища остановился спросить, не возьмут ли меня на ее место. Ему ответили, нет, я слишком молода, поэтому он подыскал мне другое занятие, еще лучше, по его мнению: место в баре на Бурбон-стрит. Мне было всего тринадцать, но, накрашенная, я казалась много старше и вполне сходила за семнадцатилетнюю.

Ты, наверное, знаешь обязанности девушки из бара. Она должна составлять компанию посетителям, пить только безалкогольные напитки, следить, чтобы посетители побольше пили и тратили все свои деньги. А если у клиента больше денег, чем он способен истратить, то нужно подсунуть ему снотворное, а потом другие служащие, предварительно очистив его карманы, выбросят его на улицу. Вот чем я должна была заниматься в тринадцать лет.

— Недурно, — только и нашелся что вымолвить я.

— О да, — усмехнулась она. — О да.

И вот здесь-то, сказала она, и вмешался мистер Робишо. Его дочь была подружкой Ады, потому он и принял в ней участие. Он дал ей работу, которую она должна была выполнять после школы и которая позволяла ей продолжать учебу и даже покупать виски для отца. Но когда отец узнал, что она сменила свою сравнительно выгодную службу в баре на место, которое при особом прилежании позволяло ей продолжать учебу в школе, он страшно рассердился. Он избил ее и, взяв за руку, повел обратно в бар. Бар этот в числе многих других принадлежал одному из самых известных в городе гангстеров — Рикко Медине. Тогда мистер Робишо, хрупкий, лысый, пожилой человек, совершил поступок, которого, по мнению его знакомых, от него никак нельзя было ожидать. Он пошел в бар и забрал Аду к себе в лавку. А ее отцу даже пригрозил, что заявит в полицию, если тот принудит ее вернуться в бар. Двое подручных Ме-

дины нанесли мистеру Робишо визит, но он отказался следовать их совету. Удивительно, что на этот раз дело обошлось без обычных в таких случаях репрессий: не били стекло, не портили товаров. Ада продолжала работать в лавке, покупала отцу более дешевое виски, чем ему бы хотелось, а во время выпускного акта именно ей выпала честь произносить прощальную речь.

После окончания школы она нашла место секретарши в обувной фирме. Проработав там год, она заняла такую же должность в рекламном агентстве. Это был для нее решительный шаг. Тихо и скромно она приобщила к новому миру. Иногда ее приглашали развлечь клиентов, что она делала с достаточным тактом. Она быстро поняла, что это может ей дать, и разработала определенный план. Как следует все разузнав и тщательно присмотревшись, она пристроилась в Мобиле. А потом поступила в "Ньюкомб".

— Проникнуть туда нетрудно, — сказала она. — Нужны большие деньги да аттестат. Трудно там выдержать.

Все, казалось, устроилось идеально, почти идеально. В течение недели она посещала занятия в колледже, а субботу и воскресенье посвящала зарабатыванию денег. Узнать об этом никто не мог, потому что занималась она этим за пределами Нового Орлеана.

— Должна признаться, что такое решение я приняла после долгих сомнений и далось оно мне с трудом. Я хочу сказать, что мне нелегко было стать проституткой. Но потом выяснилось, что это совсем не так страшно. Сделанный мною шаг оказался разумным и практичным, я получила возможность учиться. О, я знаю все возражения. Можно зарабатывать по-другому, можно по вечерам работать официанткой, а днем ходить на занятия или работать днем, а учиться по вечерам, но тогда понадобится целых десять лет. Я даже не колебалась. Я сразу выбрала такой путь. Мне часто, чаще, чем следовало, бывает довольно тошно, но мое занятие себя оправдывает.

— А тебя никогда... не тревожила совесть? — спросил я.

— Нет.

— Зачем же ты мне рассказала?

— Иногда хочется с кем-нибудь поделиться, а я тебе верю.

— Своим доверием ты налагаешь на меня слишком большую ответственность, — заметил я. — Не уверен, хочешь ли мне быть достойным.

— Ты уже достоин, — улыбнулась она.

Вот так я и встретил ее, эту Минерву, возникшую из чела Всемогущества: сто долларов за ночь, семьдесят пять, если вам повезет. (А мне повезло еще и тем, думал я тогда, что теперь уже не приходится платить, хотя потом в течение долгого времени я придерживался совершенно противоположного мнения. В конце же, в самом конце я опять было принялся считать себя счастливым, хотя и терзали меня сомнения насчет сущности счастья.)

Тогда она еще не уяснила для себя точно, чего именно хочет добиться. Но не знала она лишь, в какой форме это должно проявиться. Суть же того, чего ей хотелось, она понимала с самого начала, хоть и не ведала, в каких словах выразить свое желание. И действительно, в каких? Называть его "успехом", "признанием", "славой"? Много позже она сказала: "Я хочу заставить мир признать, что я жила. Я хочу заставить его сказать: да, ты не напрасно прожила жизнь, и даже судьба была не властна тебе воспрепятствовать".

Она хотела добиться того, чего хотят и все другие, пока не умирают в первый раз, что существенно отличается от смерти в последний раз и происходит намного раньше. То, чего она хотела, было величие.

И никогда не отказывалась от этой цели. Она никогда не отступала, как это сделал я. Она не понимала, как можно умереть дважды. Она не умерла первой смертью, она умерла только последней.

Первые шаги на этом пути она сделала еще до нашего знакомства, до того, как мы стали близки и физически и духовно. Она выкарабкалась из убогости и нищеты Айриш-Чэннела. Когтями выцарапала себе превосходное образование. Познала эксплуатацию, предательство и презрение и — один-единственный раз — дружбу. Тем не менее всему этому не только не удалось заставить ее умереть неведомой окружающим первой смертью (которая начинается утратой воли и полным подчинением обстоятельствам), но и уничтожить или погасить сияние ее твердой, как металл, природы или подорвать ее цепкость и решительность. Наоборот, с нее словно сняли обертку, сдули пыль, обнажив металл, и помогли принять боевую позицию.

Она была на верном пути и понимала это, хотя и не представляла, куда он ее заведет. Много позже я часто думал, не была ли она одарена от рождения умением предвидеть каждый поворот и каждый изгиб пути, либо интуицией распознать их по мере продвижения вперед, либо поворот оказывался правильным именно потому, что туда сворачивала она. Так я и не смог это определить.

Как только, лежа на пляже, я произнес слово "телестудия", она тотчас учуяла, что меня тоже можно использовать.

Не знаю, каким образом. Не знаю, какой план она выработала, и вряд ли был у нее вообще какой-либо план. Сомневаюсь. Думаю, она инстинктивно ухватилась за подвернувшуюся ей возможность — так боксер, не задумываясь, наносит удар открывшемуся вдруг противнику.

По правде говоря, я сам предложил ей прийти к нам на студию, сам представил ее, сам старался изо всех сил, чтобы ее приняли.

И через неделю после окончания ею колледжа ее взяли, но не на определенную должность, а так, в помощь другим сотрудицам.

Я хотел пойти к ним на выпускной вечер, посмотреть, как она в мантии и шапочке пойдет по проходу к сцене, но она не позволила. После церемонии мы встретились в Карибском зале ресторана при отеле "Пончартрен".

— С этим покончено, — решительно сказала она, когда мы уселись, и я понял, что она имеет в виду. Она аккуратно сложила колледж Софи Ньюкомб и город Мобил в сундук и заперла их там навсегда.

— Жизнь начинается? — спросил я, мне показалось, с ласковой насмешкой.

— Жизнь начинается, — улынулась она уголком рта.

На следующей неделе она приступила к выполнению своих определенных, но многочисленных обязанностей. Она вынимала желтые листы бумаги из грохочущего теле-тайпа, бегала взад и вперед со сценариями, словом, делала все, что ей приказывали. Через несколько недель она уже приступила к подборке выпусков последних известий специально для Нового Орлеана, и, когда качество ее работы стало приемлемым, я порой пользовался подготовленными ею выпусками в моих утренних репортажах. На студии только один человек занимался подборкой текстов, и он был рад поделиться с ней своей работой. Затем в один прекрасный день по какой-то никому не ведомой причине он рассорился с Хармоном, директором студии, и ушел. Его место заняла Ада.

Разумеется, его ссора и уход были делом рук Ады, но я в то время об этом и не подозревал. В ее оправдание следует сказать, что она не вонзала ему нож между лопаток собственноручно. Она просто вручила ему этот нож, но лезвием вперед. Ему уже давно пора было уйти, и он нашел себе даже лучшую работу на другой стороне Канал-стрит.

Мы встречались довольно часто, сочетая дружбу с любовью. Более тесных отношений я и не искал. Я считал, что не способен влюбиться в нее или в другую женщину, а уж

если и способен, то вовсе не хотел вновь пройти через боль, муки, горе. Избежать этого можно, только твердой рукой держась за Ничто и не позволяя ничему встрять между нами, ибо помнил, что стоит во что-нибудь поверить, как ты снова должен будешь пройти через это к умиранию.

Поэтому я воздвиг между собой и ею высокие стены, укрылся за ними, и если она и хотела чего-то иного, то ничем этого не проявляла.

Мы проводили вместе иногда вечера, иногда ночи, а порой, но довольно редко, субботы и воскресенья. В Новом Орлеане нетрудно отыскать уютные места для времяпрепровождения: поесть можно в хороших ресторанах; выпить — в тихих или шумных барах, расположенных почти рядом, но так отличающихся между собой; когда стемнеет, приятно фланировать по Бурбон-стрит, а то и поехать в заведения, расположенные на побережье. Развлечений было предостаточно, и мы пользовались ими всю.

Это ничего не значило, но...

Иногда она целовала меня, а потом, откинув голову, смотрела ласковым, благодарным взглядом, и лицо ее не имело ничего общего с дневной Адой.

— Ты очень добр ко мне, слишком добр, — дотрагиваясь до моей щеки почти застенчивым жестом, однажды сказала она. — Таким добрым быть нельзя.

Я почувствовал, как краснею, и ответил чуть ли не грубо:

— С чего это ты взяла? За что ты меня благодаришь?

— Я тебе тоже нравлюсь, правда?

— Конечно.

Она прошептала мне на ухо что-то неразборчивое и прислонилась щекой к моему лицу. Я неуклюже погладил ее по плечу. Пять лет назад мне было бы совсем нетрудно влюбиться в нее. Пять лет назад я просто не мог бы не влюбиться в нее. Пожалуй, я и сейчас по-своему любил ее. Ведь это бывает по-разному. Но пять лет назад это было бы по-другому.

Я, конечно, понимал, почему она испытывает ко мне какие-то чувства. Я был, по ее словам, вторым в ее жизни человеком, который делал ей добро, не требуя ничего взамен. Более того, я дал ей самой возможность быть великодушной, а этим она располагала впервые. Это была роскошь, которой она никогда не могла позволить себе прежде. Тот негодяй-циник, что, глядя на нее со стороны, сидел во мне, шептал: именно эта роскошь и вскружила ей голову.

Когда мы оставались вдвоем, ее лицо совершенно преобразилось. С него словно спадала маска самодовольства

и наигранной веселости, очертания губ смягчались, а взгляд становился застенчивым, благодарным и — порой мне казалось — зовущим.

Да, пять лет назад я бы не устоял. Пять лет назад.

Однажды она спросила:

— Ты ведь не способен на подлость, да?

— Не говори глупостей. Каждому из нас довелось, и не раз, совершать поступки, которых стыдишься.

— Но ты никогда не совершаешь их намеренно.

Это было утверждение, не вопрос.

— Пожалуй, нет.

— И если ты узнавал о таких поступках, тебе становилось стыдно.

— Хочешь наградить меня медалью за порядочность?

— Нет, — тихо рассмеялась она. — Лучше я награжу тебя чем-нибудь другим.

А вскоре произошло еще одно событие.

Мы с Адой и Хармоном спустились в бар отеля, на двенадцатом этаже которого размещалась наша студия. Это был тихий, уютный бар, посещаемый клиентами двух совершенно несовместимых категорий: туристами, которые жили тут, в отеле, и служащими расположенных в нем учреждений. В три часа дня мы оказались единственными посетителями из нетуристов. Мы сидели в углу за столиком, и Хармон говорил Аде:

— Вы были восхитительны, дорогая, просто восхитительны, от начала до конца.

Она только что прошла первую неофициальную пробу, читала перед камерой рецензии на кинофильмы. Мы следили за ней по монитору.

— Благодарю вас, сэр, — чарующе улыбнулась Ада.

— Просто восхитительны, — продолжал ворковать Хармон. — Помяните мое слово, в один прекрасный день вы будете королевой новоорлеанского телевидения.

— Королевой?! — взволнованно воскликнула Ада.

Она старательно подыгрывала ему не столько словами, сколько выражением лица.

— Да, я это предсказываю. — Он поднял свой стакан. — Я уверен. Ваше мнение, Стив?

— Я тоже уверен, — ответил я. — Я тоже это предсказываю.

Ада бросила на меня взгляд, значение которого я не сумел разгадать в синей полутьме бара.

— Нужно только набраться терпения и подождать, — многозначительно сказал Хармон, — подождать, чтобы все шло как по маслу.

Я посмотрел на него, на его рыхлое лицо с тяжелой челюстью, на глаза, устремленные на нее из-за толстых стекол роговых очков, вслушивался в его вкрадчиво-льстивые речи, которые он, очевидно, считал средством овладеть Адой. Он хотел ее, готов был вступить в сделку, и ему нужно было, чтобы она это поняла. Меня затрясло от злости, и тут же я рассердился на самого себя за эту злость. Какое мне дело, если она и клюнет на его предложение?

Он оторвал от нее взгляд, подозвал официанта и сделал новый заказ. Он был доволен тем, понимал я, что ему удалось высказать свое предложение и его не отвергли. Этот негодяй и раньше делал подобные намеки. Но чего я-то так разобиделся?

Умышленно меняя тему разговора, он сказал:

— Слышали анекдот о черных кальсонах?

Я хотел было ответить: "Слышал еще сто лет назад", но промолчал, и он принялся рассказывать. Ада звонко расхохоталась над заключительной фразой: "Quel sentiment exquis!"¹ Он рассказал еще три анекдота, и она опять смеялась.

Затем, чуть нахмурившись, Хармон посмотрел на часы и сказал:

— Что же, пора домой, к ужину и жене. Счастливо оставаться. Вы и вправду были восхитительны, моя дорогая.

Я попрощался с ним, Ада тоже произнесла кокетливое "До свидания!", и мы смотрели, как он уверенно несет свое грузное туловище между столами к выходу.

Ада с минуту глядела на дверь, потом повернулась ко мне и сказала:

— Надо бы выжить этого сукина сына, чтобы ты получил его место.

— Еще бы! Только зачем на этом останавливаться? Давай уж заодно заставим и владельцев отказаться от их капиталов.

— Не смейся. Это можно сделать. Я имею в виду Хармона.

— А по-моему, нет.

— Как хочешь, о великодушный и справедливый!

Я выпил.

— А как бы ты это сделала?

— Интересно? Это уже лучше. Гораздо лучше. Ты начинаешь проявлять по крайней мере зачатки любопытства.

— Не хочется тебя разочаровывать, но меня интересует только техническая сторона дела. Честно говоря, не думаю, чтобы у тебя что-нибудь получилось.

¹Как остроумно! (франц.)

— Мой дорогой бесхитрый и прямодушный мальчик! Ты и правда не знаешь?

— Нет.

— Это же до нелепости просто. Ты должен... — Она оставилась. — Нет, не буду совращать тебя. Пусть это сделает кто-нибудь другой, я же сохраню тебя таким, какой ты есть, в твоём вакууме. Меня тебе нечего бояться.

— Ты так добра ко мне!

— А разве нет?

Она подняла стакан. Я посмотрел на сидящих вокруг туристов. Прямо передо мной восседал тяжеловесный блондин, явно пытающийся в чём-то убедить маленькую хорошенькую женщину романского происхождения.

— Почему ты не хочешь мне объяснить? — спросил я.

— А ты сам не знаешь?

— Нет.

— Может, я не хочу, чтобы ты знал, на что я в определенном направлении способна. А может, боюсь, что ты во мне разочаруешься.

Я пристально разглядывал свой стакан.

— Мне это, понимаешь ли, не безразлично. Вот в чём истинная беда-то.

Я был рад, что темно и ей не видно, как я покраснел.

— Это лицо! — сказала она. — Что-то невероятное! Семьдесят ему или семнадцать? Кстати, сколько тебе лет?

— Тридцать девять. Через семь месяцев сорок. — Я говорил правду.

— Сорок! Боже мой! Как же им удалось снова призвать тебя в армию?

— Я тоже думал, что про меня забыли. Оказалось, нет.

— Значит, не забыли. А где это случилось?

— Ты о чём? О ноге? Меня ранило во время игры в покер. Мне влили в разгар игры, за которую мы сели в месте, что считалось непростреливаемым. У меня было четыре туза, ничего лишнего, а на одеяле лежало шесть тысяч долларов. Там меня и ранило.

Там я приобрел ещё кое-что, подумал я, но к чему было рассказывать об этом ей? Там вместе с осколком от 90-миллиметрового снаряда пришло ко мне Ничто. Многие годы канули в Лету, прежде чем я усвоил его значение, но усвоить пришлось, можете не сомневаться.

Я и понятия не имел об этом пятнадцать или даже десять лет назад.

Тогда, а было это давным-давно, я тоже искал величия и считал себя человеком незаурядным. Я полагал, что судьба ко мне благосклонна, что я её баловень. Так, наверное, думают все, а когда взрослеешь, то начинаешь понимать, что

судьба вовсе не благосклонна к тебе, что ты не числишься в ее любимцах и нет для тебя серебряного блюдечка, что ты просто одна из бесчисленных пылинок во вселенной. А когда наконец поймешь это, ты уже взрослый, когда поймешь, ты умрешь в первый раз.

До второй мировой войны я был преподавателем (просто преподавателем, а не профессором) кафедры драматического искусства в университете штата Луизиана. Я считал, что мне суждено пойти таким путем, что года через два я стану заметной фигурой в театральном мире — нечто вроде драматурга-режиссера-актера-продюсера — и что ко мне придет слава. Я не задумывался над тем, как это произойдет. Просто придет. Об этом должна позаботиться судьба, я же ее баловень, она и несет меня к намеченной цели.

В то время я был помолвлен с девушкой по имени Лора. Она училась у меня на курсе технике современного драматического искусства и по окончании университета ради меня осталась работать на радио в Батон-Руже. (Когда я познакомился с Адой, мне пришло в голову, что внешне они одного типа.) Мы были помолвлены более года, когда внезапно, без всякой ссоры она разорвала помолвку. "Ты требуешь слишком многого, — сказала она. — И не только от меня, но и от всего мира. Я для этого не подхожу". Этот разрыв причинил мне боль, страшную боль, потому что, мне казалось, я любил ее. Но я принял его как должное.

А потом я ушел воевать и после войны стал работать на телевидении. Это было совсем новое и обширное поле деятельности, и, получив, правда не очень завидное, приглашение на студию в Нью-Йорке, уверился, что судьба снова ко мне благосклонна, не вернулся домой и стал ждать, когда же она окончательно расщедрится. Но это было медленное движение, чертовски медленное, я не режиссировал, не писал пьес, не играл в них, а просто занимался тем, что готовил репортажи из местных новостей и читал их по телевидению. Я старался вложить в свои передачи все, на что был способен, но оказалось, что этого не требуется. "Стив, мальчик мой, возьми-ка тоном пониже, — уговаривал меня босс. — Помни аудиторию". Я заявил, что буду делать по-своему, поэтому вскоре меня уволили.

Я устроился на другую студию, поменьше, где мне сразу дали понять, что я буду только сочинять текст последних известий, вести небольшие передачи, а порой и подметать пол, и вот в тридцать два года я стал понимать, что судьба вовсе не благосклонна ко мне и не собирается ради меня лезть из кожи вон.

Началась война с Кореей, и снова меня призвали в армию, хотя я и не числился даже в резерве, и я более, чем

всегда, почувствовал, что никто обо мне и не заботится. Потом меня ранило случайно осколком, и я, потеряв верные шесть тысяч долларов, которые мог бы выиграть, имея на руках четырех тузов и ничего лишнего, еще раз убедился, что судьба ко мне скорее зла, чем равнодушна.

Она зла, решил я, потому что я не примирился со своим положением пылинки во вселенной. Я не втянул голову в плечи, а, гордо задрав ее, сунулся на линию огня и был ранен. Примиришься с фактом, что я полное ничтожество в ничтожном мире, меня бы не задело. Чтобы вас не задело, надо втянуть голову в плечи и признать, что и вы и окружающий мир — ничто. Это единственный путь, чтобы выжить. Так я и сделал.

А когда примирился, то почувствовал себя превосходно. Я был опьянен ощущением того, что мне ни до чего нет дела, а потому и не в чем себя винить. Я превратился в жертву, но только потому, что захотел ею стать, а положение пылинки во вселенной перестало меня беспокоить, ибо мир снова стал представляться благосклонным. Я понял, что главное в жизни — это Ничто. Я наслаждался своей причастностью к этому Ничто в ничтожном мире, и было мне в ту пору тридцать пять лет.

Мне было тридцать пять лет, когда я вернулся в Луизиану на только что созданную новоорлеанскую студию, которая жаждала за небольшие деньги воспользоваться услугами опытных работников с талантом. Я вернулся и погрузился в свое Ничто. Я купался в нем, я упивался им, я знал, что только оно имеет значение. И радовался этому.

— А что было потом? — спросила Ада.

— Потом? Ничего. Вернулся в Новый Орлеан и живу здесь.

— Да, живешь. — Она подняла стакан, но, подумав, поставила его на стол. — Черт бы тебя побрал, — добавила она, — ведь я тебя люблю.

Что прикажете делать? Я ни о чем у нее не спрашивал. Мне это было не нужно. Я даже немного рассердился за то, что равновесие нарушилось. И в то же время это признание мне льстило. Даже когда ты не нуждаешься в подобном признании, все равно приятно его услышать, оно утешает, это бальзам и болеутоляющее средство. Однако если сам не спрашиваешь, значит, не несешь никакой ответственности. Получаешь, а в ответ ничего не даешь. Я одновременно испытывал и неприязнь, и вину, и чувство радости.

Ее признание, конечно, изменило положение вещей. Состояние полного — как считал я — отсутствия эмоций исчезло, на смену ему пришла новая противоречивая по

своей сущности ситуация: мы были любовниками, но не влюбленными. Мы были, как и прежде, вместе, но отношения наши изменились, потому что между нами стояло ее признание.

Больше она этих слов не повторяла. Я высказалась, говорил ее вид, а ты волен поступать, как тебе вздумается.

Я испытывал желание, искушение сдаться. Но хорошо понимал, что меня ждет, а потому сопротивлялся изо всех сил. Она же молчала, не пытаясь настаивать, и ее предложение мало-помалу обретало инерцию айсберга. Мне приходилось сопротивляться все больше и больше. Однако наши отношения внешне остались прежними, и однажды в конце недели мы очутились на одном из островов возле побережья Луизианы.

Добрались мы туда на пароме. Паром ходил дважды в день; мы сели на него под вечер, и я чуть не свернул себе шею, разглядывая рулевую рубку и неглупую и вместе с тем непригодную физиономию паромщика. Звякнули сходни, и я, съехав с парома, двинулся в сторону отеля.

Отель стоял на порядочном расстоянии от воды, и из одного окна нашего углового номера просматривался весь остров. Он лежал низко и был почти голым, если не считать бородатых с толстыми стволами пальм, которые в ряд стояли у кромки воды и круто склонялись под порывами морского ветра в сторону отеля. Сезон уже кончился, и отель был почти пуст. В тот вечер в ресторане — функционировала лишь часть его, — кроме нас, сидели еще две пары. В вестибюле тоже было мрачно и пусто. Мы с Адой поднялись к себе в номер и провели время за игрой в карты.

На следующее утро я проснулся раньше Ады и, стараясь ступать бесшумно, подошел к окну. Оно было приоткрыто, и морской ветер пробрался сквозь куртку пижамы, мне стало холодно. Внизу по коричневому пляжу катились, растекаясь в белую пену, серые волны, и я слушал их шум, степенный и размеренный, как удары сердца великана.

Внезапно я почувствовал теплое прикосновение к плечу. Рядом со мной стояла Ада, уже умытая и причесанная.

— Посмотри, — сказала она. — Что может сравниться со стихией? Она так величественна, что никакие убийства или самоубийства, самые низкие или самые благородные, какое бы обличье они ни принимали, не могут замутить ее воды, загрязнить ее.

— Никто из твоих знакомых никогда не решится на самоубийство, детка.

— Конечно. Ни они, ни тем более я.

Я смотрел на нее и еще раз подумал, что отказаться от

нее совсем нетрудно. Но я продолжал игру.

Мы оделись и спустились к завтраку.

В ресторане, кроме нас, никого не было. Отсутствовали даже официанты, и обслуживала сама хозяйка. Это была высокая, полная, черноволосая женщина с обветренным до красноты, тронутым временем лицом, которой с успехом можно было дать и сорок пять лет и шестьдесят. Когда-то у нее была отличная фигура. И сейчас она двигалась вызывающе, с какой-то угрозой: попробуй скажи, что она уже не та. В памяти что-то мелькнуло. Она мне кого-то напомнила, но кого, на память не приходило.

На пустынных пляжах, колотясь о деревянные стены старого отеля и сотрясая стекла затворенных окон, бушевал ветер.

— Будет шторм? — спросила Ада.

— Наверное. Ветер куда сильнее, чем утром. Прислушайся.

Звенели стекла, и я слышал глухой рев прибоя на песчаном пляже.

После завтрака Ада сказала:

— Может, пойдем погулять?

— Подожди, сначала я расплачусь за завтрак.

Я позвал хозяйку. Она подошла и объяснила:

— Нет, платить не нужно. Стоимость завтрака войдет в общий счет. Заплатите, когда будете уезжать.

Она улыбнулась и ушла.

Мы вышли из зала, и тут я вспомнил: хозяйка отеля была похожа на ту, из Мобила. У этой был только более благородный вид. А может, они мне только показались похожими, эти две стареющие женщины.

Вслед за Адой я вышел в серый сумрак дня. Дул холодный ветер, затянутое облаками, тусклое небо нависало над головой, а гребни свинцовых волн были покрыты белой пеной. Порывы ветра клонили пальмы чуть ли не до бурого песка, остроконечные темно-зеленые листья трепетали на мрачном фоне надвигающейся бури.

— Пойдем к морю.

Она взяла меня за руку. Мы пошли мимо пальм к узкой полосе коричневого песка, на который набегали серобелые волны.

— Постоим минутку, — сказала Ада.

— Тебе не холодно?

— Ничего.

Мы стояли рядом. Пока она следила, как, вздымаясь, набегали и с грохотом обрушивались на песок горбатые волны, я любовался четкими линиями ее покрытого зага-

ром лица, золотом растрепанных ветром волос и решительным взглядом темно-серых глаз.

— Здесь, возле этой воды, я почти понимаю, что я такое, — не оборачиваясь, сказала она.

— Что же именно?

— Почти, сказала я. Не совсем. Но тебе, пожалуй, лучше оставаться в неведении. Тебе, наверное, не следует до конца понимать, чего я хочу. Могу только сказать, что глубоко внутри, куда ты никогда, никогда не сможешь проникнуть, живет та же стихия, которая в любую минуту способна сорваться с цепи.

Я ничего не сказал, но ощутил сильный порыв холодного ветра и порыв ее любви, которая тоже была холодной, потому что я ее боялся.

Наконец она обернулась.

— А кто ты, Стив? Чего ты хочешь?

— Чего я хочу? Ничего.

Я боялся и одновременно хотел ее любви. Она была так близко. Мне нужно было лишь перестать сопротивляться.

— И никогда не хотел?

— О нет, когда-то я хотел очень многого. Но это было давным-давно.

— Чего? Скажи мне.

— Все очень просто. Хотел стать великим. Не великим полководцем, не великим государственным деятелем или еще кем-нибудь. А просто великим. Обладать величием, держать его в руках, как держат драгоценный камень или бутылку. Мне было безразлично, в каком виде я его обрету, лишь бы владеть им.

Впервые я признался в этом во всеуслышание.

— И ты что, не знал, как этого добиться?

— Я только думал, что знал, — засмеялся я, и она сжала мой локоть. Я могу вот-вот сдать, подумал я и заговорил быстро-быстро: — Я считал, что обрету величие в театре. Знаешь, — добавил я, смеясь, — по правде говоря, я немало потрудился на этом поприще, но по-настоящему не предпринял никаких шагов. Я так никогда и не сделал ни единого хода, а делать ходы нужно даже тогда, когда ты еще не решил окончательно, какой вариант будешь разыгрывать. Если хочешь преуспеть, нельзя бояться неудач.

— А что ты намерен предпринять сейчас?

— Ничего. Все позади. Повторяю, ничего. Абстрактное Ничего с заглавной буквы. Поэтому я и стал телерепортером.

— Разве это так уж плохо?

— Совсем не плохо. Это как раз то, что мне сейчас требуется.

Теперь я был уверен, что не сдамся, не приму ее предложения. Вполне возможно, оно мне не под силу. Мое сопротивление оказалось успешным. Я торжествовал и в то же время испытывал чувство утраты.

— Бедный Стив!

— Нечего меня жалеть, — рассердился я. Ей явно было жаль меня.

— И тебе этого достаточно?

— А кто я такой, чтобы претендовать на большее? — Я хотел было сказать, что давно уже наполовину мертв, но вовремя остановился. — И кстати, чего хочешь ты? Ты считаешь, что должна получить сполна? Да?

— Не знаю. — Теперь она не смотрела на меня. — Но я постараюсь получить. И скрывать этого не собираюсь.

— И куда же заведут тебя твои попытки, как ты думаешь? — Наверное, я был жесток. Но это получилось помимо моей воли.

— Я хочу заставить мир признать, что я существую. Я хочу заставить его сказать: "Да, ты есть, и никакие удары судьбы не могли этому помешать. И если я причинил тебе что-либо дурное, то и ты отплатила мне". Я хочу сделать так, чтобы мир не мог не признать, что я существовала.

— И это все? — засмеялся я.

— Ни в коем случае. Я заплачу каждому негодяю, который когда-нибудь обидел меня или осудил. Они еще узнают, кто я и на что способна. Я раздавлю их, как вот эту медузу.

И она втерла медузу в песок.

Зашелестели на ветру листья деревьев, и на наши лица упали первые капли дождя. Ветер принес с собой дождь и запахи моря.

— Сейчас хлынет ливень, — заметил я. — Пойдем обратно.

Но ее пальцы только сильнее сжали мой локоть.

— Подожди.

Капли дождя были холодными, они прыгали по лицу Ады. Где-то далеко пророкотал гром. На испещренной пунктиром линии горизонта, где смыкались темное море и небо, вспыхнул зигзаг молнии, осветившей мир на мгновение желтым светом. Стеной полил дождь.

— Мы промокнем. — Я дрожал в одной рубашке, прилипшей холодным пластырем к телу.

Она прижалась ко мне.

— Я тебя согрею.

Я почувствовал прикосновение ее стройной спины и ощутил под руками округлость упругой груди. Блузка у нее была мокрой, и от нее тоже веяло холодом. Потом в моих объятьях она начала согреваться, наши тела сопри-

касались, и я почувствовал тепло.

Влажные, уже не золотые, а потемневшие от воды и разметавшиеся по ветру волосы лезли мне в лицо.

— Стив, — позвала она.

— Да? — прошептал я ей на ухо.

— Люби меня, Стив. Пожалуйста, люби меня.

Я молчал.

— Будешь любить меня, Стив?

Ее мокрая гладкая щека коснулась моей щеки.

Я опять промолчал.

— Ты не ответил, — прошептала она.

— А что я должен ответить?

— Ты хочешь сказать, что не любишь меня?

— Вовсе нет. Ничего подобного.

— А как же тогда тебя понимать? Ты хочешь сказать, что я нравлюсь тебе, как может нравиться любая проститутка? Только так и не больше? Это ты хочешь сказать?

Меня вдруг охватило чувство... вины.

— Нет, — принялся я убеждать ее, а может — себя. — Я люблю тебя так, как могу любить женщину. На большее я не способен, слишком поздно. Ты это прекрасно знаешь.

— И ты в это веришь? Или ты знаешь, что это ложь?

— Это правда.

— Нет! — не сказала, а крикнула она. — Ты просто убедил себя в этом. И я ничего не могу поделать. — Она прильнула ко мне, на мгновение я вдруг ощутил вес ее холодного и неподвижного тела. — Ничего, — повторила она и, оттолкнув меня, резким движением высвободилась из моих объятий. Я было протянул к ней руки, но тут же опустил их.

— Пойдем, — сказала она. — Вернемся в отель.

Всю ночь гудел ветер и стучал в окна дождь. Лежа в большой старинной кровати, я смотрел на наглухо закрытые двойными рамами окна и прислушивался к шуму ветра и дождя и к дыханию Ады, которая, я был уверен, не спала. Перед рассветом ветер стих, перестал и дождь. Утро было серым, но спокойным. Мы уехали рано, чтобы поспеть на первый паром. У конторки мы с Адой стояли порознь. Хмурая хозяйка молча подала мне счет, и так же молча я оплатил его. Беря сдачу, я заглянул ей в лицо, и мне показалось, что она улыбается.

Все было кончено.

Больше не было ничего. Ни ссор, ни объяснений, ни сцен. В отношениях людей часто наступает такой момент, когда надо на что-то решаться. Вот и в наших отношениях

наступила кульминация. Я не хотел считать, что это конец, и еще раз два попытался с ней встретиться, но она держалась отчужденно, и в конце концов я смирился. После этого мы продолжали видеться на студии, криво улыбались, разговаривали ровным тоном бывших любовников — он звучит как эхо отжившего.

Впоследствии, оглядываясь назад, я порой думал, что это я толкнул ее на избранный ею путь, что, если бы я тогда вел себя по-другому, все, быть может, и сложилось бы совсем иначе. Но, поразмыслив, понимал, что обманываюсь. Возникновение Ады Даллас было неминуемым. Веди я себя по-другому, она просто возникла бы по-другому.

Она продолжала готовить выпуски местных теленовостей и делала это вполне успешно. Она очень подружилась с Хармоном, появлялась в окружении газетных репортеров и богатых рекламодателей, и сделанная ею временная уступка расчёта эмоциям, казалось, наглухо умерла. Она опять стала той Адой, которая ценила людей только по тому, насколько они могли оказаться ей полезны. Если нет, идите к черту.

В течение нескольких месяцев она готовила тексты для телерепортажей, а потом сделала очередной ход. Совершенно неожиданно комментатор передачи показа мод получила дополнительные две недели отпуска к двум положенным — за особые заслуги, сказали ей. Она была искренне обрадована, но вовсе не удивлена этим необычным проявлением справедливости и, пофыркивая от удовольствия, отправилась на месяц на Бермуды. Когда она вернулась, меднолицая, в веснушках и самоуверенная, оказалось, что она уже не комментатор показа мод. Ее место заняла Ада. Экс-комментатору, незлегантной и немолодой женщине, нечего делать на экране. Хармон подыскал ей другое место с большим жалованьем, и она не стала с ним спорить. Спустя какое-то время, разумеется.

Но в день своего возвращения она влетела на студию как эльф и, бросив нам снисходительный взгляд, направилась доложить боссу о приезде, а вышла из его кабинета, едва передвигая ноги, прижимая к глазам платок и издавая носом весьма неприятные звуки. Часа через два Ада и Хармон, обменявшись многозначительными взглядами, улыбаясь, ушли вместе, и я испытал удар, поняв, что она уже давно спит с ним.

Я хладнокровно ненавижу их обоих. Глупо, разумеется, ибо мне было совершенно безразлично, что она делает, поэтому я постарался изгнать ненависть и от души посмеяться над ними. Только посмеяться.

Теперь я уже был не активным участником жизни Ады, а только зрителем. Тем не менее у меня оставалось место в партере, и я смотрел спектакль с большим любопытством, чем мне бы хотелось.

Однажды я без предупреждения и без повода вошел к ней в комнату, надеясь... Я сам не знаю, на что я надеялся.

— Привет! — поздоровался я.

— Здравствуй, Стив, — ответила она с явной отчужденностью.

— Сходим в бар?

— Большое спасибо, но я очень занята.

В эту минуту в дверях появилась голова Хармона; она ласково улыбнулась ему и, сказав: "А я уж и перестала тебя ждать", покачивая бедрами, направилась к нему. Именно это укололо меня. Я не был полностью уверен в том, что у них близкие отношения, и такая неуверенность причиняла мне острую боль.

Она быстро продвигалась вперед; ее передачи сразу стали популярными. Сначала показ мод проводился раз в неделю, потом два раза и наконец пять раз в неделю по пятнадцать минут. При прежнем комментаторе эта передача не приносила прибыль, а на Аде студия неплохо зарабатывала. Хармон оказался прав, хотя, быть может, тогда, в баре, он просто старался ей льстить. Она действительно стала королевой городского телевидения, что было примерно равнозначно чемпионату в среднем весе на своей улице. Тем не менее она обрела популярность.

Вскоре в ее передачах стали участвовать местные знаменитости, и однажды таким гостем на студии оказался Томми Даллас, поющий шериф.

Впоследствии я часто раздумывал над тем, на сколько ходов она была способна заглянуть вперед, когда пригласила его, насколько была прозорлива в отношении собственного будущего. Мне так и не удалось этого узнать.

В тот день сквозь стеклянную перегородку, отделяющую мой кабинет от приемной, я увидел, как в дверь входят, сохраняя определенный порядок: высокий, красивый седой мужчина в сером костюме, рослый, похожий на тяжеловеса молодой человек в зеленой с причудливой отделкой ковбойке и сером стетсоне, лицо у него было открытым и в то же время каким-то стертým; и четыре молодых ковбоя в таких же рубашках и шляпах, с музыкальными инструментами в руках.

Это были Сильвестр Марин, Томми Даллас и его квартет. Мне полагалось их встретить и отвести к Аде.

Поскольку я участвовал в выпуске теленовостей, мне, разумеется, было известно о них все, что могло быть извест-

но. Сильвестр Марин, бывший сенатор штата от сент-питерского округа, играл немаловажную роль в политической жизни Луизианы, а Томми Даллас был его ставленником на должность губернатора.

Я вышел им навстречу.

— Доброе утро, сенатор, — сказал я. — Доброе утро, шериф.

— Здравствуйте... — Сенатор сделал секундную паузу, и я почувствовал, как завертелись колесики его памяти: — Стив! Как поживаете?

Он широко улыбнулся, но я сразу почувствовал, каким ледяным холодом от него веет. Почувствовал я и как меня внутри словно обожгло — такое ощущение испытываешь от стаканчика неразбавленного виски, — я даже не сразу понял, что это. Это был страх. Я слышал, что Сильвестр Марин умеет внушать страх и знает, как им пользоваться, и теперь он испробовал свое умение на мне. Мне стало стыдно, поэтому, когда пришлось в этот день разговаривать с ним, я старался, чтобы мои ответы звучали отрывисто и коротко.

— Неплохо, — отозвался я и пожал руку Томми Далласу. — Как самочувствие будущего губернатора?

Томми улыбнулся, что-то добродушно и неразборчиво промывчав. Я знал многих деятелей от политики, способных произносить целые фразы, в которых не было ни капли смысла. Знал и таких, кто умел произносить слова, не складывая из них предложений. Но Томми Даллас был первым на моем жизненном пути, кто умел произносить звуки, не составляя из них слов.

Не талант, а прелесть! И не только потому, что нельзя было неправильно его понять. Нельзя было и правильно понять. В итоге: ничего.

Свою нечленораздельную речь Томми завершил тремя совершенно отчетливыми словами:

— Как жизнь, Стив?

Таков был поющий шериф сент-питерского округа, признанный идол публики, чиновник полиции, который, наверное, без чужой помощи не задержал бы и бродячей собаки, и будущий — можно было биться об заклад — губернатор штата Луизиана.

— Мисс Мэлоун сейчас придет, — сказал я сенатору, стараясь говорить отрывисто, но не совсем уж невежливо. — Прошу, джентльмены, садиться и чувствовать себя как дома.

В знак согласия Сильвестр наклонил голову, наверно, миллиметра на два. Профессиональная учтивость исчезла, не потому что я раздражал его, а потому, что с обменом любезностями было покончено. Лицо его было суровым, но не лишенным привлекательности, а небольшие морщин-

ки сосредоточились только в уголках холодных глаз. Пока я говорил, он стоял совершенно неподвижно, затем кивнул, и его глубоко сидящие черные глаза — под глазами у него были отечные мешки — уставились на меня. Я взглянул в их черноту, и снова меня охватил страх. Что-то в нем напоминало мне Аду. Я подумал и понял: он тоже видел. Я заставил себя ответить взглядом на его взгляд, и он улыбнулся с иронической вежливостью.

В комнату вошла Ада.

— Добрый день, сенатор, — сказала она. — Добрый день, шериф. Как хорошо, что вы приехали!

Сенатор с той же насмешливо-элегантной почтительностью наклонил голову.

— Как хорошо, что вы нас пригласили!

— Нам и вправду очень приятно, дорогуша, — отозвался Томми.

С женщинами он умеет разговаривать достаточно членораздельно, подумал я.

— Очень рада, — тепло повторила она, обращаясь к Томми, и мне, хоть и не хотелось себе в этом признаваться, стало неприятно. Ее лицо сияло, в улыбке проглядывалось благоговение. Все шло как по маслу.

— Я столько раз вас слышала, шериф!

— Благодарю, мэ. — Томми оценил ситуацию и, по-видимому, наслаждался ею. — Большое вам спасибо.

— Нам не часто удается заполнить на нашу программу губернатора. Однако лиха беда начало, как говорится.

— Не стоит верить всему, что слышишь, дорогуша. Я еще не губернатор.

— Чистая формальность, — ослепительно улыбнулась Ада и переменяла тему разговора: — Так что мы делаем в передале? Репетировать не будем, а выступление строим следующим образом: я вас представлю, вы споете, затем я задам несколько вполне невинных вопросов. Потом вы снова споете. Вот и все. Согласны?

— Ты как полагаешь, Сильвестр? — спросил Томми.

На его привлекательной, чувственной, не слишком смышенной физиономии отразилось усиленное старание понять услышанное. По-видимому, это ему не удалось, потому что взгляд его заметался, как у тонущего, который тщетно надеется, что кто-нибудь бросит ему спасательный круг. Меня охватило чувство симпатии к нему, мне стало жаль его, хотелось сказать: "Давай, парень, выплывай сам. Спасательного круга нет и не будет".

Но я ничего не сказал и только услышал, как Сильвестр Марин спросил у Ады:

— А что за вопросы?

Она перечислила. Сильвестр кивнул и сказал, что все в порядке. Томми тоже кивнул и сказал, что все отлично.

Позже в студии, когда красная секундная стрелка подошла к цифре "60", оператор двинул камеру вперед для крупного плана, четверка музыкантов заиграла, а Томми Даллас запел. Он пел свою песню "Ты и я", обращаясь к Аде и завывая по-волчьи. Она сидела выпрямившись — лицо ее выражало восхищение — и не сводила с Томми глаз, лишь время от времени бросая мимолетный взгляд на Сильвестра, причем выражение ее лица чуть менялось.

Сильвестр сидел рядом со мной за стеклянной перегородкой, не выпуская из угла рта сигары, а глаза его рыскали поочередно от Ады к Томми и обратно. Тщетно я пытался разгадать его мысли.

Томми закончил свою песню, и Ада принялась задавать ему вопросы: как мог такой певец, как вы, шериф, пренебречь своим даром и отдать себя на служение обществу, как вам нравится, шериф, быть шерифом, каким образом, шериф, вы стали певцом. Затем Томми обратился к "народу", потом снова пел, и на экране появилась реклама — упитанный кролик, превозносящий до небес продукцию своего патрона.

Сильвестр, а за ним и я встали и вошли в студию.

— Все прошло изумительно, — говорила Ада, пожимая руку Томми. — Изумительно.

— Спасибо, дорогуща, — ответил Томми и, казалось, хотел еще что-то сказать, но, увидев Сильвестра, тотчас умолк.

Сильвестр внимательно — а может, оценивающе — посмотрел на Аду.

— Надеюсь, мы снова увидимся с вами, мисс Мэлоун?

— Я тоже надеюсь, сенатор.

— Значит, договорились. — Его глаза смотрели лишь оценивающе, вождения они не выражали. — Пойдем, Томми, — повернувшись, сказал он.

И будущий губернатор Луизианы, словно на невидимом поводке, покорно последовал за одетым в отличного покроя костюм человеком с седой шевелюрой, а за ним тяжело зашагали четверо молодых в зеленых ковбойках и серых шляпах.

Но Томми, должно быть, все-таки ухитрился кое-что сказать Аде и почти с того дня стал настойчиво за ней ухаживать.

Вот так просто это началось, и кому было тогда догадаться, что на доске сделан очередной ход! Собственно говоря, ход этот сделала сама Ада, ибо ясно, что она с совершенно определенной целью пригласила в студию Томми

Далласа. Я не хочу сказать, что у нее уже был готов тщательно разработанный план и предусмотрены все дальнейшие события. Она просто знала, какой вариант ей предстоит разыграть, и неуклонно следовала ему, но в то же время чутко реагировала на любое изменение позиции. Не размениваясь, она вела атаку только в одном направлении. Но когда я гляжу в прошлое, это приглашение Томми Далласа, как и любой другой сделанный ею ход, представляется мне точкой на вычерченной в пространстве и времени кривой, похожей на траекторию снаряда. Такой циклической параболой баллистических диаграмм мне видится ее жизнь. Возможно, жизнь любого человека вычерчивается в кривую. Меня же волнует жизнь Ады, потому что только она дорога моему сердцу.

Итак, я следил — с болью, но пристально, — как Ада шла в наступление на Томми Далласа. Я видел, как она, одетая с большей тщательностью, чем всегда, менее неприступная, чем всегда (Томми не отличался душевной тонкостью), торопилась в дамскую комнату подкраситься, затем мчалась к лифту и бежала — я был уверен — на свидание с Томми. Однажды, чувствуя себя полнейшим ничтожеством, я последовал за ней и, прячась за дверью коктейль-бара, увидел их там. Даллас сидел, опираясь локтями на стол, и на его сытой, но привлекательной, хотя, быть может, и хитроватой физиономии ясно было написано желание. А напротив расположилась Ада с восторженной и выжидающей улыбкой на лице. Я быстро отошел от двери: у меня засосало под ложечкой.

Как-то я встретил их на Ройял-стрит: Даллас о чем-то рассказывал и сам же с удовольствием хохотал над своими словами, а Ада понимающе вторила ему. Она бросила на меня лишь мимолетный взгляд, сказав словно по обязанности "Привет, Стив!", и перевела взор обратно на Далласа.

Вскоре в газетах появились их фотографии: на бегах, на собраниях в его округе, на его концертах. Он еще два раза выступил по телевидению. На них обратили внимание репортеры, и в газетах высказывались предположения о том, скоро ли зазвонят колокола на свадьбе королевы телевидения и будущего губернатора?

Прочитав один из таких прогнозов, я тотчас же сообразил, что именно эту цель она и преследует. (Все понимали это давным-давно. Я же просто не знал, потому что не хотел знать.) Она хотела быть женой губернатора Луизианы. А Томми почти наверняка будет губернатором. Знакомясь с ним, она, конечно, рассчитывала со временем стать первой леди штата.

Что же, это вполне осуществимо. Год назад она была

проституткой, а через год будет женой губернатора. Как предположение, это казалось невероятным. А как возможный факт — пугающе реальным.

Почему пугающе? Я поспешил оставить этот вопрос без ответа.

Возможность у нее была. Но не вполне реальная по двум причинам.

Первая причина: Томми любил женщин. И это было не просто увлечение, это было призвание. Его должность обеспечивала ему деньги и свободу действий для этого занятия. Он встречался с десятками девиц, но ни одна из них не сумела его заарканить. Порой им удавалось кое-что у него выудить, потому что, хоть срок их годности истекал довольно быстро, в политике молчание считается исключительно дорогим товаром. Но если верить слухам, а я думаю, верить им можно, Томми еще ни разу по-настоящему не был под угрозой утраты собственной свободы.

Ада, конечно, ошибки не допустит. В этом я не сомневался. Она не позволит ему того, чего он так усиленно добивается, но уж наверняка постарается, чтобы Томми это понял. Надеюсь, что, поняв, он не постоит ни за чем. Но женится ли он?

Вторая причина: Сильвестр Марин.

Он не разрешит Томми ни единого шага политической значимости, который лично им не будет полностью одобрен. А женитьба — это политически важное мероприятие. Одобрят ли Сильвестр желание Ады стать миссис Даллас? На его вкус, я уверен, она слишком независима. Кроме того, красивая жена, с точки зрения политики, величина опасная. Порой это качество может повредить мужу. Оно вполне понятно вызывает у избирателей чувство ревности.

И наконец, через некоторое время Сильвестр разузнает о ней все, что можно, и в один прекрасный день ему станет известно про Мобил. Если, конечно, до сих пор неизвестно.

Разумеется, ни на какой риск он не пойдет. Томми — его козырь, и этим козырем он собирается завоевать наконец штат Луизиана.

Сильвестр уже давно подбирался к завоеванию штата. Десять лет назад он овладел сент-питерским округом, правил им, как средневековый феодал, и, сидя в нем, как в крепости, год за год осторожно расширял свои владения. Теперь он уже почти полностью контролировал жизнь и деятельность еще трех соседних округов и был самым богатым человеком в Луизиане. Источником накопления его капиталов — никто не знал точно, сколько у него миллионов, — послужили те благоприятные возможности, которыми общественная деятельность награждает самых при-

лежных. Сильвестр так усердно изучал право в Луизианском университете, что сразу же после окончания был допущен к адвокатской практике и начал накапливать политический капитал. С дальновидным простодушием, присущим всем великим людям, он двинулся прямо к власти, подвизаясь на первых порах на грязных подмостках скромного округа. В двадцать пять он был членом совета торговой палаты, заставив ее заключить с фиктивными компаниями — за ними в действительности стоял он сам — долгосрочные договоры на аренду земли, в которой "случайно" оказалась нефть. Затем, став членом еще нескольких общественных организаций и осуществив в течение десяти лет ряд удачных операций в масштабах округа, заставил выбрать себя в геологический совет штаба. Занимая это положение, он имел возможность осуществлять контроль над заявками на нефтяные концессии, а так как самые богатые нефтью земли чаще всего доставались некоей "Биг дил дивелопмент компани", то вскоре Сильвестр оказался миллионером.

И тут он сумел завершить то, с чего так хорошо начал: овладел полным контролем над сент-питерским округом. Поскольку деньги у него были, то это оказалось не столь уж сложным делом для такого дальновидного и изобретательного человека.

Он не пожалел денег, чтобы посадить своих людей на место шерифа, затем прокурора, потом в исполнительный комитет демократической партии и в избирательную комиссию. Его же люди проводили выборы, собирали бюллетени и подсчитывали голоса. Этим он забил последний гвоздь. Округ был в его власти.

И тогда он разрешил открыть в округе игорные заведения. Он согласился с существованием мафии, но лишь с одним четко выраженным условием: без права на монополию. Любой, у кого были деньги, мог финансировать существование игорного дома, мог его открыть, правда, по предварительной договоренности с организацией Сильвестра. Такая преданность свободному предпринимательству привела в неописуемый восторг граждан округа, которые с тех пор и превратили игорные заведения в основной источник своих доходов. А популярность Сильвестра и его людей так возросла, что они могли бы одержать победу и на никем не фальсифицированных выборах.

Но Сильвестр лишь расхохотался бы, если бы ему предложили предоставить даже такое, почти обеспеченное мероприятие, как выборы, на волю судьбы. Сильвестр никогда ничего не предоставлял судьбе. Сильвестр все делал наверняка.

Теперь, на шестом десятке лет, Сильвестр был высоким, широкоплечим мужчиной с шапкой седых волос и хорошо

поставленным от природы голосом. Голос его мог воспроизвести любую эмоцию в зависимости от ситуации или, скорее, согласно тактике, ибо ситуацию всегда создавал сам Сильвестр. Один газетный редактор сравнил его с мильтоновским сатаной — "вечный мятежник, одаренный исключительными способностями, направленными на овладение полным господством".

Сильвестр никогда не раздумывал, никогда не размышлял, никогда не предполагал. В его голове был заключен сложный механизм, который безостановочно подсчитывал доходы, расходы, прибыли и коэффициенты. Сильвестр всегда был уверен.

И Аде, прежде чем договориться о чем-либо с Томми Далласом, предстояло завоевать расположение Сильвестра.

Однажды я встретился с ней в коридоре и, не удержавшись, спросил:

— Как дела с губернатором?

Она холодно взглянула на меня.

— Неплохо.

— Надеешься стать первой леди?

Ее серые глаза сверкнули.

— А что тут смешного? Если хочешь знать, он готов на мне жениться.

— При условии, что ему разрешит Сильвестр.

Ее лицо побелело от гнева, она стремительно повернулась на своих высоченных каблуках и убежала.

Удар попал в цель. Значит, Томми действительно хочет на ней жениться, но решение зависит от Сильвестра. Мне сразу стало не по себе. Я не хотел, чтобы она выходила замуж за Томми или за кого-нибудь еще. Я хотел... Я прогнал эту мысль.

Итак, решение оставалось за Сильвестром.

Я вспомнил тот оценивающий взгляд, которым он окинул ее в студии. Он знал, что произойдет между ней и Томми. Видел ли он в ней союзника или противника?

Наверняка и то и другое. Он в каждом видел и противника, и союзника. Люди были его противниками до тех пор, пока он плетью не заставлял их полностью подчиниться, а потом использовал в своих интересах. Если вообще их можно было использовать.

Теперь, оглядываясь назад, я догадываюсь, что он видел в Аде определенную статью дохода и, разумеется, был прав. Он, наверное, считал, что ее можно заставить повиниться без особых усилий. И в этом была его единственная ошибка. Даже сейчас я не мог понять, как он допустил эту ошибку. Но это сейчас, а то было раньше. Тогда он решал, что делать с Адой. И наконец решение было принято.

Недели через две после нашей размолвки в коридоре Ада вошла ко мне в кабинет. Она улыбалась застенчивой, чуть ли не робкой улыбкой, и я более, чем всегда, почувствовал себя негодяем. Мне стало ужасно неловко, и я хотел было сказать ей, как сожалею о случившемся.

— Ада, я...

— Не нужно, — перебила она меня. — Забудь об этом. — На секунду улыбка ее стала еще шире. — Можешь оказать мне услугу, Стив?

— Конечно.

— Послушаешь одну запись?

Я словно с неба упал.

— Пожалуйста.

Она, должно быть, заметила мое разочарование.

— Это не простая запись, Стив. Мне удалось ее сделать, потому что у меня был с собой в сумке портативный магнитофон, которым я пользуюсь, когда беру интервью. Знаешь, о чем я говорю?

— Знаю.

Она установила катушку.

— Что там на ней? — спросил я.

— Слушай, — ответила она, включая магнитофон, и повернулась ко мне. — Молчи и слушай.

Катушки пришли в движение. Сначала послышалось жужжанье, потом какие-то неразборчивые звуки и, наконец, низкий и вкрадчивый голос:

— Спасибо, что вы пришли, мисс Мэлоун.

— Ну что вы! — Голос Ады с ленты звучал чуть механически.

— Садитесь, пожалуйста. — Мужской голос казался мне знакомым.

— Спасибо.

— Вы, наверное, догадываетесь, зачем я пригласил вас? — И тут я узнал Сильвестра Марина.

Я почувствовал, что он немного волнуется. В голосе Ады не было и следа смущения. Ее слова звучали холодно, весело и непокорно.

— На это может быть несколько причин, сенатор.

Я понял, что начинается дуэль.

— Верно, — усмехнулся Марин. — Я знал, что вы так ответите. И был бы весьма удивлен и разочарован, если бы ошибся.

— Благодарю вас.

Даже в записи отчетливо чувствовалось ледяное равнодушие Ады. Пока счет в ее пользу, подумал я.

Я смотрел, как вращались катушки, и тщетно старался представить себе, что происходило в кабинете Марина.

Но слышал только голоса:

— Так, с чего же мы начнем? — с почти насмешливой вежливостью спросил Сильвестр.

— Приглашение было от вас, сенатор, поэтому выбор за вами. — Воплощенная любезность, она держала его на расстоянии, не хотела помочь ему.

— Да, да, пожалуй. — Низкий голос его журчал. Если он и чувствовал себя обманутым в ожидании, то ничем этого не проявлял. — Итак, вы намерены выйти замуж за Томми Далласа. — Это было утверждение, не вопрос.

— Разве?

— Будем откровенны, мисс Мэлоун. Вы намерены выйти замуж за Томми Далласа.

И опять удивительно ровный, ничего не выражающий голос Ады:

— Что ж, пусть будет так. По-вашему, я намерена выйти замуж за Томми Далласа.

Молодец!

Но вкрадчивый бас не выразил ни гнева, ни возмущения, ничего.

— Вы хотите выйти замуж за Томми. Хотите быть женой губернатора. Хотите, я полагаю, играть видную роль в делах штата. Что же, намерения весьма похвальные.

— Рада слышать ваше одобрение, сенатор. Значит, по-вашему, мои намерения являются похвальными?

— Я не сказал, что одобряю их. — Пауза. — Правда, я не сказал также, что не одобряю.

— Вот как?

— Да, так. Сначала я должен побеседовать с вами, чтобы убедиться, способны ли мы понимать друг друга.

— А если да?

Голос Ады теперь звучал чуть более дружески, но ровно настолько, насколько ей хотелось. Она вполне владела собой.

— Если да... — Еще одна пауза, на этот раз более ощутимая. — Если да, то могут открыться исключительно интересные возможности. Возможности, по-моему, представляющие значительно большие перспективы, чем вы думаете.

Эти слова должны были пронять ее. Видит бог, они должны были пронять ее. Самое трудное — сохранить позу тогда, когда счет в игре в твою пользу. Но Ада по-прежнему держала себя в руках.

— Меня всегда привлекали интересные возможности. Не будете ли вы так добры прояснить некоторые детали?

— С удовольствием. — В его голосе явно звучало удовлетворение. Он шел к намеченной цели. — Полагаю, что до сих пор ваши мечты не шли дальше роли только супруги.

Так? Я хочу сказать, что пока вы ограничивались только ролью жены губернатора, вы не размышляли о влиянии и силе, поддерживающих трон. Не так ли?

— Предположим.

— Думаю, что так. Прежде всего силы, поддерживающей трон, не существует. — Снова в голосе зазвучала ирония. — Я лично, так сказать, возглавляю мою команду, и в штате это известно всем. Никто из членов команды об этом никогда не забывает. Это первый, последний и непреложный факт. Ясно?

— Ваши слова мне ясны, — ответил голос Ады, и я в душе заплодировал ей.

И вдруг Сильвестр Марин сказал:

— Я могу предложить вам нечто гораздо большее, чем вы думаете. Как, например, насчет того, чтобы в один прекрасный день самой включиться в политику? Непосредственно в качестве кандидата или, например, занять определенную должность?

— Почему я? — Ее голос звучал совершенно равнодушно. Как это ей удавалось? — Ведь я женщина.

Он усмехнулся — с симпатией, надо думать.

— В политике произошли большие перемены. Значительно большие, чем мы думаем. Почему вы? Во-первых, женщина в определенных условиях может оказаться даже более подходящим кандидатом, чем мужчина. Во-вторых, ваша работа на телевидении — вы, профессионалы, называете это контактом с аудиторией — сейчас самое ценное качество для кандидата, а вы им обладаете, это доказано. В-третьих, я потратил на Томми много денег и немало времени, пока сумел, сделав из него достойную фигуру, привлечь к нему внимание общественности. И теперь хочу извлечь из этого вклада максимальную прибыль, особенно в отношении времени, ибо оно представляет большую ценность, нежели деньги. Вам, разумеется, знакомо имя Евы Перрон, слышали вы, наверно, и о чете Фергюсонов из Техаса? Вы следите за моей мыслью?

— Я слежу за вашей мыслью, — бесстрастно ответила Ада.

— Короче говоря, если у Томми будет жена, которая сама способна стать политической фигурой, его популярность автоматически распространится и на нее, и она незамедлительно станет заметной личностью. Для нее уже подготовлен трамплин. Я еще раз обращаю ваше внимание на мамашу Фергюсон и Еву Перрон. Как жена Томми, а также приняв определенные шаги, вы будете представлять из себя весьма внушительную фигуру. В политическом отношении.

Я заметил, что он говорил уже не о жене губернатора, а

обращался непосредственно к Аде.

— И все-таки, — сказала Ада, — почему я?

Басистый смех.

— Во-первых, потому что вы достаточно умны, чтобы спросить: "Почему я?" Совсем как в тексте для первокурсников в вашем же "Ньюкомбе". — Он снова засмеялся, а я по меньшей мере был поражен. Оказывается, он тщательно подготовился к разговору. — И, конечно, потому, что Томми без ума от вас. — Своим тоном он явно хотел дать ей понять, что эта причина не была главной. — Если вы выйдете за него замуж, он будет думать, что это его собственная идея.

— Что вас вполне устраивает, правда? — спросила Ада. Но он пропустил ее слова мимо ушей.

— Вы наделены многими качествами, желательными для кандидата, — рокотал он. — Скромное происхождение: родились в Айриш-Чэннеле, но сумели собственными силами выбиться в люди. Прекрасно. Работа в баре выглядит на первый взгляд неважно, но в действительности это обстоятельство можно превратить в политический капитал. Ребенком подвергались эксплуатации, спасены добротой хорошего человека и так далее. Социальное положение: выпускница колледжа Софи Ньюкомб. Широкие массы против не будут, поскольку вы собственным трудом зарабатывали деньги себе на учебу. Еще один плюс. Политикой раньше не занимались, значит, у вас нет промахов и нет врагов. За исключением, разумеется, меня. — Смех. — Таким образом, вы полностью удовлетворяете всем моим требованиям, мисс Мэлоун, полностью.

Мне стало страшно. Интересно, знает ли он о Мобиле?

— А что потом? — спросил голос Ады. В нем не было ни восторга, ни страха, но не было и безразличия.

— Вот именно, что потом? Я хочу, чтобы между нами была полная ясность. Мне незачем тратить время на то, чтобы удивлять вас знанием подробностей вашей биографии или задавать вам различные вопросы. Вы будете в моей команде, я буду вашим капитаном. Только я. Я один. — Пауза. — Вы должны это отчетливо понимать с самого начала.

— Вы, пожалуй, прояснили это достаточно четко.

— Надеюсь. — В низком голосе явно звучала ирония. — Думается, мне незачем говорить вам, что я могу в ту минуту, когда я этого пожелаю, прекратить ваши с Томми отношения. Или что я способен направить мысли Томми в совершенно противоположную сторону.

— Нет. Вам незачем говорить мне это.

— Отлично. Я вижу, что тесты в вашем колледже прово-

дились не зря. Вы знаете свое место, и я могу говорить дальше. Томми вполне соответствует губернаторской должности, но на дальнейшее его продвижение я не возлагаю никаких надежд. Вы... — Он остановился.

Несколько секунд царило молчание. Он явно ждал, чтобы Ада заговорила. Но она не произносила ни слова.

— Отлично. — Впервые в его голосе зазвучала власть. — Так как же?

И Ада таким тоном, будто, самое большее, соглашалась на свидание, сказала:

— Хорошо.

Я смотрел на вращающиеся катушки — они молчали, слышно было лишь их жужжанье — и думал: ему не удалось взять над ней верх, она держалась с ним на равных, она получила то, чего так упорно добивалась.

Затем Ада, настоящая Ада, а не Ада с магнитофонной ленты, поднялась со стула и выключила магнитофон.

— На этом все интересное кончилось.

— Понятно, — отозвался я.

Я взглянул на нее, словно видя ее впервые: высокая красивая блондинка с правильными чертами лица, округлыми бедрами и длинными ногами, и попытался согласовать все это с равнодушным голосом, звучавшим с магнитофонной ленты. И снова констатировал не без удивления: ему не удалось взять над ней верх. Всякий раз, когда я смотрел на нее, я открывал в ней что-то новое для себя.

— Что ж, — начал я нарочито громко, чтобы скрыть свое смятение. — По-моему, это решает все твои проблемы. Тебе преподнесли на тарелочке все, чего ты так упорно добивалась.

— Да.

Мы стояли, с любопытством глядя друг на друга. У меня от отчаяния пересохло в горле и засосало под ложечкой. Я попытался проглотить подступивший к горлу комок и не смог.

— Что ж, — повторил я, — прими мои поздравления.

Я видел, как она судорожно глотнула.

— Спасибо.

Мы продолжали в упор смотреть друг на друга.

— Стив... — начала она и замолчала. — По-твоему, я должна это сделать?

— Разве ты не этого добивалась?

— Скажи ты, Стив. — Ее полуоткрытые губы не улыбались, глаза не могли оторваться от моих глаз, а голос упал до шепота: — Скажи ты.

Впоследствии я всегда удивлялся, как мне удалось сказать, как удалось отыскать те скрытые звезды, к которым я взбирался вслепую. Ибо я не только не был способен

это сделать; я не был способен об этом и мечтать. Это было самое последнее на земле, на что я мог бы или сумел бы решиться. Но в ту секунду я решился.

— Нет, — сказал я, — по-моему, тебе незачем это делать. По-моему, тебе незачем выходить замуж за Томми Далласа. По-моему, ты должна выйти замуж за меня.

Ее лицо замерло от удивления, страха, восторга.

— Будь моей женой. — Меня охватило отчаянное чувство свободы, как будто мне удалось пройти сквозь стену и увидеть дневной свет. — Будь моей.

Будто лед унесло весенними водами.

— Стив! — Она отвернулась, чтобы скрыть свои чувства, и, крепко сжав мою руку, спрятала лицо у меня на груди. — Да. — Ее приглушенный голос, казалось, проникал в меня. — Да, да, да.

Самое забавное заключалось в том, что я даже на минуту не мог усомниться в серьезности этого намерения. Даже на минуту. Оно мне казалось совершенно правдоподобным. Я говорю о намерении Ады отказаться стать Адой Даллас ради меня. Позже я убедился, насколько фантастической была эта мысль. Насколько невероятной. Но в ту минуту я целиком в нее верил.

По-видимому, верила и Ада.

В субботу мы отправились на остров. Он был местом нашей последней встречи, так пусть же станет местом начала новой жизни.

Из открытого окна нам было видно море, полыхающее синим пламенем под лучами ползущего вверх оранжевого шара. Полоса желтого песка уходила до серых пальм, кивающих зелеными верхушками синему простору.

В ресторане на деревянном полу играли солнечные блики, и Ада за столом выглядела чистой, невинной девушкой. Она была в безукоризненно белом платье, и накрашены у нее были только губы.

Я видел, что на нас смотрят — стоял разгар сезона, большинство столиков было занято, — и испытывал чувство гордости. По залу плыла высокая и загадочная хозяйка отеля, красное платье мантией струилось по ее мощному торсу. Она остановилась возле нашего столика и в ответ на мое приветствие лишь молча улыбнулась. Я смотрел на ее лицо и думал: что оно отражает? Удовольствие, участие или просто память о каких-то давних событиях? Она также молча отошла, и только старые половицы поскрипывали под ее ногами. А я перевел взгляд на Аду и забыл про все на свете.

После завтрака или обеда, что бы это ни было, мы отправились по горячему песку на окаймленный серыми пальмами берег. Я вспомнил, как мы стояли здесь под дождем. Теперь перед нами расстиралось голубое зеркало воды, а ветер был совсем теплым.

— Я никого не любила до сих пор, — сказала она.

— Я тоже по-настоящему.

Она молчала, глядя не на меня, а на чистую, острую, как нож, линию горизонта.

— У тебя нет сомнений в том, что ты поступаешь правильно?

— Ты же знаешь, что нет.

— Ты уверена, что готова отказаться от того, от чего ты отказываешься?

— Абсолютно уверенной быть нельзя.

— Нельзя?

Она ласково улыбнулась.

— Конечно, нет. На свете ничего абсолютного не существует. Я только знаю, что в эту минуту больше всего на свете мне нужен ты.

— А завтра?

— А завтра будет видно.

Она снова прижалась ко мне, как и в прошлый раз, когда лил ледяной дождь, но сейчас ярко светило солнце, было жарко и сухо. Я смотрел мимо нее на мир: синее море и синее небо, высоко над нами большие белые облака, казавшиеся невесомыми, а впереди длинная, нескончаемая полоса суши. Далеко в море, направляясь в сторону острова, появилось судно, сверкающее на солнце задраннным носом. Реявший над ним темный флаг ветер свернул в узкую полоску.

— Когда мы сможем пожениться? — спросила она в моих объятьях.

— Через пять дней. Церемония состоится в пятницу вечером, а на субботу и воскресенье мы уедем. Можем поехать в Мобил. — Я тут же поспешил исправить ошибку: — Или в Галвестон. А то и в Майами. Лучше всего слетать в Майами.

Она подняла голову. Упоминание о Мобиле ее не смутило.

— Как ты думаешь, Хармон отпустит нас на целую неделю?

— Нет, не отпустит.

Она беззвучно рассмеялась.

— И правда нет, — сказала она.

Странно, но ревности я не испытывал.

Яхта шла прямо на нас. Я уже мог различить реи, отли-

вавшие темным серебром в лучах солнца.

— Обойдемся и двумя днями, — сказала она. — А потом устроим себе настоящий медовый месяц.

— Думаешь, Хармон даст нам отпуск одновременно?

— Ему придется.

Хармон меня теперь не тревожил. Собственно, теперь ничто меня не тревожило. Ада повернула голову, чтобы посмотреть на яхту, и прядь ее растрепанных ветром волос скользнула по моей щеке.

— Красивое судно, — заметил я.

Ада отвернулась.

— Пойдем в отель.

Она взяла меня под руку, и мы направились к отелю, миновав сначала полосу песка, смешанного с ракушками, а потом его ослепительно белую грядку.

Случилось это позже, уже в номере.

— Она стала на якорь, — подойдя к открытому окну, заметил я.

— О чем ты говоришь?

— О яхте. У причала отеля.

— А! — Она сказала это совершенно безразличным и отчужденным тоном.

Ничего не подозревая, я продолжал смотреть на причал. И вдруг почувствовал, что машинально вцепился в подоконник.

— Черт бы побрал!

— Что случилось? — подскочила она ко мне.

— Смотри!

Я указал на нос судна темного дерева с отделкой цвета сливок, отливавшей на воде серебром, на изящный синий вымпел, тяжело свисающий с гюйштока, и на высокого широкоплечего человека в блейзере и в темной шапочке яхтсмана, стоявшего неподвижно и отдававшего какие-то приказания.

— Это он, — сказал я.

— Что ему... — Она замолкла.

Что-то написав на листке бумаги, Сильвестр Марин отдал листок мальчишке в брезентовых штанах, который побежал по дощатому настилу в сторону отеля.

Она повернулась ко мне. Лицо ее было белым как мел. Я почувствовал, как ее пальцы стиснули мне локоть.

— Ты знаешь, зачем он приехал? — спросила она.

— Знаю. — Я взял ее за плечи. — Он приехал за тобой. Скажи ему, что ты передумала. Что ты не хочешь иметь с ним ничего общего. Вот и все, что тебе нужно сделать.

— Все и все, что мне нужно сделать, — беззвучно повторила она.

Я посмотрел ей в лицо и не понял его выражения. Она доказала, что не боится Сильвестра Марина. Значит, это не страх. А может, страх?

— Вот и все, — повторил я. — Одевайся, спустись вниз и отправь его назад.

— Да, я сейчас оденусь.

Она сидела у туалетного столика, когда в дверь постучали. Я взял записку Сильвестра и прочел ей вслух.

— Ничего, — сказал я, глядя, как она накладывает румяна на свои побледневшие щеки. Листок бумаги жег мне руку. — Придется тебе еще раз сказать ему, что ты передумала.

Несколько секунд я следил за ее лицом.

— Может, ты боишься его? — спросил я.

— Ты же знаешь, что нет, — ответила она, подняв на меня взгляд.

— Почему же тебе в таком случае страшно?

Она ответила мне долгим взглядом и промолчала, и я почувствовал, как сам чего-то боюсь.

Одетая и покрашенная, она стояла передо мной. Много позже я часто думал, что было в ее мыслях или в ее сердце в ту минуту. Но и тогда, как и сейчас, я не знал. Быть может, именно то, что лежит в основе каждого решительного шага: вопросительный знак. Глядя на этот вопросительный знак, я неуклюже пробормотал:

— Ну а теперь иди, скажи ему и возвращайся. Через десять минут все будет позади.

Улыбнувшись, она дотронулась до моей руки:

— Конечно.

— Может, мне пойти с тобой?

Все еще улыбаясь, она покачала головой.

— Нет, я справлюсь сама.

Она коснулась рукой волос, бросила последний взгляд в зеркало и направилась к двери.

— Пока, милый, — сказала она. — Я сейчас вернусь.

Она отворила дверь и вышла. И вдруг, почти закрыв дверь, снова открыла ее.

— Стив, — сказала она, — я люблю тебя.

Затем дверь закрылась, и я услышал, как замерли ее шаги в длинном коридоре.

Знал ли я тогда? Я не уверен. Я так отчаянно хотел не знать, что, может, и не знал.

Сев в кресло, я закурил сигарету, но, затянувшись раза три, бросил ее на пол. Затем подошел к окну и выглянул.

Сильвестр все еще стоял на причале. Он замер в ожидании, как тигр, притаившийся на скале над тропинкой.

Из отеля вышла Ада и по дощатому настилу направилась

к причалу. Высокая, вся в белом, она широким шагом шла навстречу Сильвестру. Потом шаги ее стали более размеренными и вскоре совсем стихли.

Он повернулся к ней лицом. Не сделав ни единого движения, не меняя позы, он вдруг как-то подобрался и словно замер перед прыжком. И спина Ады по мере удаления от меня и приближения к Сильвестру тоже словно сузилась. Он сделал два легких, выжидательных шага ей навстречу, и я увидел, как на его темном лице сверкнула насмешливая улыбка. Он чуть приметно поклонился, и Ада в ответ кивнула своей золотоволосой головой.

Сильвестр заговорил — не спеша, чуть небрежно. Я видел, как золотоволосая голова качнулась отрицательно: "Нет". Затем по движению ее головы и губ я понял, что она что-то быстро и настойчиво говорит.

Сильвестр улыбнулся и тоже заговорил. Улыбка так и осталась на его лице. Ада покачала головой, повернулась и сделала шаг в сторону отеля. Он положил ей на плечо руку, и она остановилась.

Потом она дернула плечом, его рука упала, и она пошла по узкому настилу к отелю. Сильвестр шел рядом, казалось, не спеша, но и не отставая. Я опять услышал шаги Ады. Каучуковые подошвы Сильвестра были беззвучны.

Они прошли под окном, вошли в отель. Теперь я их не видел.

Итак, все кончено. Похоже, что кончено. Я попытался осознать свой страх, вытащить его на свет, определить его. Теперь его можно было определить, ибо все было позади. Я боялся, что она уедет с Сильвестром, выйдет замуж за Томми Далласа, а я останусь один. Я вслух расхохотался. Смейся, ведь приговор отменен. Дыши, ибо ты выиграл.

Я выиграл и понял, что не надеялся на победу. Она меня потрясла, я ослабел от радости. Я боялся, что меня снова одолеет страх.

Я испытывал удовольствие, чувствуя, как тает комок под ложечкой. Затем я ощутил у себя на лбу пот и, дотронувшись, убедился, что он холодный. Тогда я налил, не разбавив, виски, выпил одним глотком, и сразу холод уступил место жаре.

Я откинулся в кресле, делая глубокие, медленные вдохи, ослабляя одну за другой каждую мышцу и каждый нерв.

Все в порядке, все в порядке, Ада идет сюда.

На следующей неделе мы поженимся, я буду больше работать, вести себя умнее, все будет прекрасно, все придет в норму.

Я полулежал, откинув голову и закрыв глаза, прошла минута или час, я сел и выпрямился. Ады все не было.

Я взглянул на часы и увидел, что прошло пять минут. Ее не было. Я смотрел, как секундная стрелка несколько раз обошла циферблат. Я хотел было спуститься за ней, но вспомнил, что обещал не вмешиваться.

В эту минуту я услышал стук мотора и, не успев еще подойти к окну, понял, что это мотор яхты.

Словно во сне, я увидел, как матрос в брезентовых штанах, медленно наклонившись, поднял канат и бросил его с причала на палубу и вслед за ним — как в замедленной съемке — прыгнул сам.

Мотор застучал сильнее, острый кремово-серебряный нос отвернул от причала, и судно медленно, но неумолимо, как судьба, повернуло в открытый залив. Я видел, как, набежав на причал, ударилась о него волна, превратившись в воронки, а винты загудели еще громче.

Медленно, как во сне, где каждое движение доведено до гротеска, острый нос судна, завершив полный разворот, очутился в открытом море.

Судно зарылось в пену, и его синий вымпел затрепетал на ветру. На палубе, позади рулевой рубки, стоял Сильвестр в той же шапочке яхтсмена с козырьком, а рядом с ним, придерживая рукой пряди мокрых золотистых волос, Ада.

Она стояла выпрямившись, в своем белом платье, не улыбалась и не отрывала глаз от воды. Затем она обернулась и лишь на мгновение скользнула взглядом по отелю. Если она и видела меня, то ничем этого не проявила. Отвернувшись, она снова стала смотреть на волны залива, который ей предстояло пересечь, прежде чем пристать к остроконечному мысу материка.

Ее лица уже не было видно, только золотистые волосы развевались по ветру, а яхта набирала скорость.

Пока я расплачивался, хозяйка отеля смотрела на меня пустыми глазами.

Через две недели в утренней газете появилась фотография Ады и Томми Далласа. Они стояли обнявшись. На Томми была его серая шляпа. Ада без головного убора. Оба широко улыбались. Заголовок гласил: "Поющий шериф женится на королеве телевидения". Я аккуратно сложил газету, положил ее в ящик стола и принялся редактировать очередной выпуск последних новостей.

”Кадиллак” свернул за угол, к стоянке, и я с интересом огляделся по сторонам. Одному богу известно, сколько лет я всего этого не видел, но башня как будто осталась такой же и, как пика, устремлялась высоко в небо! И небо было словно по заказу: темные облака висели прямо над головой. Бледно зеленели лужайки. А у подножия лестницы уже собирались те, кому надлежало присутствовать на похоронах.

Если взглянуть на башню, то ничего вроде не изменилось. Но кому лучше знать, как не мне. Чертовски много перемен произошло с тех пор, меня самого и то не узнать.

Эрл повел машину по аллее, к стоянке для служебных машин, и я вспомнил, что сектор номер один возле самого здания всегда принадлежал мне. Полицейский в сине-серой форме, показавшийся мне знакомым, махнул в сторону указателя: ”Стоянка машин губернатора Т. Далласа”. Эрл свернул туда.

Пусть меня увидят в ”кадиллаке”. После всего, что случилось, это не могло мне повредить. Теперь уже ничто не могло мне повредить, ибо у меня был ореол мученика, спасенного самим господом богом. Вот в этом-то и крылось самое смешное. Я и правда страдал, прошел черт знает через какие мучения, но толком люди об этом ничего не знали. То, что было известно, — ложь, а то, что держалось в тайне, — правда, поэтому так или иначе они были правы. Судите сами.

— Приехали, губернатор. — Эрл вылез, обежал машину, открыл мне дверцу, но я вылез раньше.

— Порядок, — сказал я. — Нечего меня баловать.

— Вы же великий человек, губернатор.

— Да брось, — поморщился я.

Я не был губернатором. Я был экс-губернатором. Хотя, может, я еще кое-что сотворю насчет этой приставки.

Сквозь стоявшие дверца к дверце машины я протиснулся к обочине, и кишки у меня сводило от страха, пока я шел по вымощенной белыми плитами дорожке, что вела по траве мимо вечнозеленых деревьев к памятнику Хьюи Лонга. Прожектор из-под крыши здания освещал статую Хьюи круглые сутки, его никогда не выключали, и даже сейчас, при сером свете дня, его бледно-желтый луч лежал на бронзовом челе Хьюи. Он смотрел на мир так, будто видел все или ничего, и я прошел мимо. Поднимаясь по широким белым ступеням, я увидел что-то длинное прямоугольной формы, завернутое в национальный флаг, и понял, что там лежит Ада. Я увидел это, и мне стало не по себе.